

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ТАЙНАЯ ТЮРЬМА

Джеб

Михаил Нестеров

Тайная тюрьма

«ЭКСМО»

2006

Нестеров М. П.

Тайная тюрьма / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2006 — (Джеб)

Похоже, пояса шахидов уходят в прошлое. Террористы освоили другой метод – одна капля чистого рицина убивает до двухсот человек. Шейх Аллума, третий человек в «Аль-Каиде», уже выступил по ТВ с угрозами новых крупномасштабных терактов. Правда, сделаны эти заявления под контролем американцев. Ведь именно на тщательно охраняемой военной базе в джунглях Катваны и расположено производство рицина. И все же группа спецназовцев под командой Евгения Блинкова по прозвищу Джеб рискнула проникнуть на базу, чтобы уничтожить химическую лабораторию. Правда, сначала они должны обезвредить несколько десятков американских командос, которые охраняют свою базу так, что не подступиться...

© Нестеров М. П., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Пролог	6
1	6
2	9
3	11
Глава 1	13
1	13
2	15
3	18
4	19
5	23
Глава 2	25
6	25
7	28
8	33
9	36
10	40
Глава 3	42
11	42
12	44
13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Нестеров

Тайная тюрьма

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Известия» за использование их материалов в своей книге.

Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения персонажей романа могут не совпадать с мнением автора.

Пролог

1

Вашингтон, штат Виргиния, март 2002 года

Одетый в строгий темный костюм, Питер Шейлер попробовал угадать, в какой одежде его встретит босс. Накануне последнего обращения президента к нации имиджмейкер порекомендовал ему зеленоватый пуловер ручной вязки. Кажется, вспоминал Питер, он заметил на свитере пару сентиментальных затяжек петель. Возможно, думал он, эта неслучайная деталь была тонким намеком на демократию и подчеркивала равенство главы государства с американскими беспорточниками.

Директор ЦРУ дождался импозантного секретаря и прошел за ним в кабинет. «Боже, – удивился Шейлер. – Уволь своего стилиста к чертовой матери!» Серая, невыразительная, застегнутая наглухо рубашка с едва заметными полосками и светлым воротником подошла бы приговоренному к казни через удушение. 67-летнему Питеру самому стало трудно дышать, ибо он видел, как верхняя пуговица впивается в морщинистое горло президента.

– Сэр... – он в знак приветствия наклонил голову и шагнул навстречу боссу. Они обменялись рукопожатиями.

Хозяин Белого дома источал приятный запах дорогой парфюмерии. После обязательной утренней пробежки и водных процедур бывший военный летчик неизменно пользовался дезодорантом и туалетной водой от Эсте Лаудер.

На сегодняшнее утро у него была запланирована еще одна встреча – с руководителем центра допросов и опросов. Требование к нему одно: ужесточить содержание пленников в тюрьмах. Возможность побега арестантов практически исключалась. Места содержания призваны устрашать главного противника Соединенных Штатов – международных террористов, наносящих удары в любой точке мира, – и если случится побег, то все усилия в плане запугивания пойдут насмарку. Казенные дома были разбросаны по всему миру – Афганистан, Сирия, Иордания, Куба, изоляторы в Марокко, Египте, Азербайджане, Катаре. В них содержалось около трех тысяч заключенных.

Буш не предполагал, что шеф разведывательного управления также намерен вскользь затронуть эту тему. Он часто мигал круглыми, будто кукольными глазами, собрав на лбу глубокие морщины, словно только что проснулся и пытался вспомнить, что ему снилось. Он едва не вспылал, когда смысл чрезмерно длинной фразы дошел до него. Она вылезла изо рта директора ЦРУ ядовитой змеей и шипела, угрожая.

– Повтори еще раз, в чем ты хочешь меня убедить, – невыразительные глаза президента плескались злостью и недоумением.

– В целесообразности привлечения на работу в разведку наиболее способных членов бывшей подпольной организации «Северная армия Стюарта». Я знаю, господин президент, как вы относитесь к таким людям – с неприязнью.

– С неприязнью?! – побагровел Буш. Он быстро нашел чем ответить и развернул в сторону собеседника календарь. На Питера нацелились смертоносными копьями две единицы. Сегодня было 11 марта. Прошло ровно шесть месяцев с варварской атаки террористов на Нью-Йорк.

«Сейчас пуговица на его рубашке отлетит, – спокойно подметил Шейлер, – и попадет мне в глаз».

– Я хочу напомнить вам, что Бриджес официально осудил теракт 11 сентября, а лидер «армии» объявил о роспуске своей организации. Многие арестованы. Мы присматриваемся

к ним. Наши аналитики пришли к выводу, что они не представляют реальной угрозы внутри государства. Поэтому их конспиративный опыт может быть использован.

– Кем?

– Нашим государством. – Питер сложил на груди руки, демонстрируя белоснежные манжеты. – В борьбе с международным терроризмом.

– У тебя есть досье на Бриджеса? – не унимался президент.

– Я понял ваш вопрос, – кивнул в ответ шеф ЦРУ. – Да, Бриджес принимал участие в убийстве посредника ООН. Пытался подложить бомбу израильскому послу в Соединенных Штатах.

Бриджес был одним из лидеров ультраправой экстремистской группировки «Северная армия Стюарта», возглавляя в ней боевое ядро. Арестован накануне теракта 11 сентября за поджоги магазинов в Манхэттене, принадлежащих евреям, и подрыв автомобиля, начиненного взрывчаткой и припаркованного в непосредственной близости от Капитолия; в результате этого теракта был тяжело ранен чернокожий конгрессмен.

Когда обрушились башни-близнецы Торгового центра в Нью-Йорке, президент публично объявил о связи Бриджеса с «Аль-Кайдой». Расследование терактов могло затянуться на годы, но при любом раскладе Бриджеса, прозванного в прессе «белым резидентом дьявола», ждал электрический стул.

– И ты хочешь сделать из него разведчика ЦРУ?!

Питеру показалось, что вздыбившиеся брови Буша пытались найти спасение в его седоватой шевелюре.

Откинувшись на спинку кресла, босс фальшиво обрадовался:

– Bravo! Я аплодирую!

– Не горячитесь, господин президент. Я приведу пример. Еврейская организация «Банда Штерна», на ее счету не одно политическое убийство. Один из ее руководителей возглавил европейский отдел «Моссада», стал премьер-министром Израиля.

– Отличный пример! Образцово-показательный! Ты пророчишь Бриджесу кресло в администрации Белого дома?

– Я повторяю: группировка «Армия Стюарта» больше не представляет угрозы национальной безопасности, а ее опыт поможет нам в работе.

– А что, если твоя инициатива просочится в прессу?

– Она просочится, – посулил Питер, выразительно кивнув. – Но только после удачной операции – арест, ликвидация известных террористов, в которой на всю мощь будет задействован опыт Бриджеса.

– Ты сказал – «известных террористов». Почему бы не присвоить им звание заслуженных, пользующихся популярностью, снискавших славу, что там еще?..

– Извините, господин президент, но вы смотрите на проблему в минусовых очках, а я в плюсовых. И я вижу следующее: нашу позицию государственной безопасности занимают люди, с которыми мы ведем беспощадную войну, и вот они переходят на нашу сторону. Я бы назвал это ощутимой победой. Это рискованный шаг, но я вам гарантирую успех.

– После того как добровольная инициатива «белого резидента» просочится в прессу, его захотят убрать, – резонно заметил Буш, остывая.

– Мы никому не станем мешать, – улыбнулся Питер, провожая босса глазами. Тот прошелся по кабинету, некоторое время постоял у окна и вернулся за стол. – Даже ликвидация Бриджеса сыграет нам на руку. Но и подогреть мы ничего не станем.

– Ты говоришь о беспроигрышном варианте.

– Совершенно верно. Бриджес в местах не столь отдаленных уже полгода, о нем стали забывать. Сам он сломался за шесть месяцев и готов к применению...

Высокопоставленный техасец перебил уроженца штата Огайо:

– Бриджес сам проявил инициативу? Сказал следователям, что готов сотрудничать с разведкой?

– Такая инициатива насторожила бы нас и в конце концов отпугнула. Мы просмотрели несколько вариантов и остановились на одном. Я предлагаю снять с Бриджеса обвинения в терактах и поджогах и повесить эти преступления на Стюарта. Сам Стюарт бесполезен в работе на разведку, он был номинальным лидером «армии» и приказов на насилие не давал. Силовыми акциями ведал Бриджес. Когда он окажется на свободе, его захотят прибрать к рукам многие ультраправые, расистские и даже исламистские группировки. Бриджес поможет нам выявить тайных лидеров в их рядах. Также мы надеемся получить информацию о спонсорах преступных группировок и перекрыть им финансовые потоки.

– Вы у себя в Лэнгли постоянно играете в грязные игры, – неприязненно сощурился Буш. – Нельзя ли изобрести что-нибудь попроще?

– У нас много серьезных противников. Элементарные шаги ими давно просчитаны.

– Не знаю, не знаю, – президент сцепил руки и пощелкал суставами больших пальцев. «Черт, – недоумевал Питер, – как это ему удается?» Он попробовал повторить «фокус» хозяина Овального кабинета, но у него ничего не получилось.

– Где содержатся люди Бриджеса? – спросил Буш, скосив глаза на настенные часы и проследив за ходом маятника.

– Они сидят с людьми, чей юридический статус до конца не ясен, и с преступниками, которые принимали участие в убийстве граждан Америки. И еще один момент я бы хотел затронуть. Добровольное сотрудничество, основанное на раскаянии и осуждении терактов, ни в какое сравнение не идет с признаниями, данными на допросах, в коротких перерывах между...

– Избавь меня от деталей! – Буш отгородился от собеседника рукой и несколько мгновений держал ее на отлете. – Мне надо подумать.

– Вам нужно ответить на один вопрос: убедил я вас или нет. Хотя бы в том плане, что в неволе Бриджес – «белый дьявол», а на свободе он – ангел небесный.

– По крайней мере, теперь я знаю, как отношусь к террористам: с неприязнью, – съехидничал Буш. – Хорошо, пусть сделка совершится, – он посмотрел на свои широкие ладони и перевел взгляд на директора ЦРУ. – Но запомни, Питер: этого разговора между нами не было. Ты прав, мне нужны успехи и не нужны провалы.

Шейлер встал и застегнул пуговицу на пиджаке. Глянув на ворот рубашки техасца, он улыбнулся:

– Удачного вам дня, господин президент.

2

Лэнгли, округ Колумбия, два года спустя

Устроившись за столом в операционном зале, Питер Шейлер через прозрачную шумоизоляционную перегородку наблюдал привычную картину: десятки сотрудников разведуправления находились за компьютерами, сосредоточившись на своей работе. Несколько телевизоров с отключенным звуком были настроены на различные новостные каналы. Любой желающий мог прослушать последние сообщения через наушники.

Эта комната по праву называлась центральным постом. Здесь часто проводились оперативные совещания, и дополнительная информация любого характера ложилась на стол незамедлительно.

Директор, накануне отпраздновавший свой 69-й день рождения, был одет в коричневатый костюм. Он выглядел лет на пять моложе своего возраста, мог бы скинуть еще пару лет, если бы по совету медиков не избегал солнечных лучей; бледность пропитала его лицо страданием.

Он поджидал офицера оперативной группы, курировавшей деятельность Рэя Бриджеса, отчего снова и снова мысленно возвращался к практике, когда осужденных оправдывали в судах в целях национальной безопасности.

Офицера звали Уэйн Сабо. Он был в чине полковника. Проскользнув в дверь, отъехавшую в сторону, извинился за десятиминутное опоздание. Заняв место напротив директора и расстегнув пуговицу на пиджаке, положил на стол папку.

– Связи Бриджеса с преступными группировками разного толка не удивляли вас? – спросил Шейлер. – Сколько человек он сдал нашему управлению?

– Около сорока. Сейчас скажу точно. – Сабо открыл пухлое досье на Бриджеса. – Тридцать восемь человек, – конкретизировал полковник. – Последнее, что он сделал, – это помог отследить перевод на сто восемьдесят тысяч долларов на счет в багамском банке «Женева траст». Перевод направлялся на адрес нью-йоркской ультраправой организации. Сейчас я посмотрю счета.

– Не загружайте меня цифрами. Напомните, какую легенду разработали для Бриджеса.

– Собственно, мы ничего не придумывали, – полковник пожал плечами. – Бриджес осудил теракт в Нью-Йорке и одобрил намерения Стюарта о роспуске организации. Суд оправдал его и повесил обвинения в терроризме на Стюарта. Среди своих Бриджес остался своим в доску, даже укрепил доверительные отношения с единомышленниками.

– Ни с Бриджесом, ни с любым другим доносчиком вечно так продолжаться не может. У вас есть какие-нибудь варианты?

– Убрать его, или...

– Не торопитесь. За последний год мы не уволили ни одного нашего сотрудника. Наоборот, тех, кто не устраивал нас, мы переводили с повышением. Например, на Аляску. Мало кто выдерживал там больше двух месяцев. Нам оставалось лишь подписать рапорт об увольнении. Сейчас такое время, что каждая дрянь может подать на нас в суд.

– Я понял, сэр. Можно засунуть Бриджеса в такую дыру, из которой он долго не выберется.

– Напомните кратко его военную биографию.

– Он проходил службу в подразделении спецназначения ВМФ. Входил в группу исследований и разработок, которая занималась испытаниями оружия, снаряжения и военной техники. Со службы он уволился в чине сержанта.

– Здесь ему грозит опасность. Не будем забывать, как много полезного он принес нашей службе. Он стал одним из лучших агентов за последние годы. – Питер покатал по столу каран-

даш и продолжил, словно размышлял вслух: – У него нет прежней жизни. Теперешняя его жизнь состоит из доносов и провокаций. Ответьте на несколько вопросов. Он злоупотребляет алкоголем, наркотиками?

– Нет.

– Связи с женщинами?

– Он встречался с несколькими женщинами, ничего серьезного. Два года – большой срок.

Бриджес не дал нам ни одного повода усомниться в своей искренности и желании помочь.

– Считаете, у него был другой выход?

– Думаю, нет.

– Вы узнавали, как ведет себя в тюрьме Стюарт, какие у него настроения?

– Стюарт прекрасно понимает, чьей жертвой он стал. Он не раз говорил следователям, что его подставили, и упирал на то, что не отдавал приказов на совершение терактов.

– Похоже, я нашел дыру для Бриджеса, – сказал директор после непродолжительной паузы. – Он с пользой для дела проведет там остаток дней. Это место – далеко не Аляска, но ему вряд ли захочется вернуться. Повторяю, здесь ему грозит опасность. Он состоял в организации расистского толка, да? Отправим его к ниггерам. Сдайте дела полковнику Хогану из африканского отдела.

– Да, сэр.

– Это не все. Умойте руки: назначьте Бриджесу встречу и сдайте его Хогану.

3

Вашингтон

Двое агентов в штатском надели на Рэя Бриджеса наручники и прикрыли сверху его серым пиджаком. Один из офицеров наклонил его голову и слегка подтолкнул в салон машины с непроницаемыми стеклами.

– Парни, вы не забыли надеть мне мешок на голову?

– Будешь борзеть, мы вспомним о камне на ноги. Сиди и помалкивай.

Бриджес давно перестал озираться по сторонам. Сопряженная с риском роль двойного агента приносила ему немало проблем, однако удовлетворение от такой работы паровым утюгом заглаживало житейские трудности.

Он уже забыл, какого цвета мантия у судьи, какого цвета робу он носил в тюрьме. Живо откликаясь на звонок куратора, он вышел из своей квартиры и угодил в лапы оперативников.

Машина неслась в сторону аэропорта имени Даллеса, окруженного невысокими лесистыми холмами и роскошными полянами. Она без задержек проехала охраняемый пост и зашуршала колесами по серому пыльному бетону. Водитель остановился впритирку к трапу. Офицер наполовину удовлетворил просьбу Бриджеса, убрав пиджак с его закованных рук и набросив его на голову «белого резидента».

Тем не менее Бриджес сумел определить не только тип самолета. Он ужаснулся, прочитав бортовой номер «Боинга-757» – N313P. Этот самолет, единственный в своем роде, сам являлся летающим острогом и входил в состав тюрем временного содержания заключенных.

– Осторожно – ступеньки, – командовал оперативник, поддерживая клиента под руку. – Стоп – площадка. Вперед, налево, прямо, стой.

Бриджес снова увидел свет, уже сидя в кресле в седьмом ряду «Боинга». Он поднял руки и выразительно посмотрел на сопровождающего:

– Теперь-то я точно не сбегу.

– Теперь-то ты точно не сбежишь, – в тон Рэю отозвался тот. Он снял с него «браслеты» и продолжил: – Ты не сбежишь и оттуда, где у тебя будет очень много воли и очень много простора.

– Ты говоришь, как моя мать. Тебя ни черта не поймешь. Дай мне сигарету.

– Травись на здоровье, – круглолицый офицер угостил Бриджеса и дал прикурить от своей зажигалки.

– Нам долго лететь?

– Успеешь пару раз сходить по маленькому и один раз по большому. Ты не поверишь, но буквально вчера у меня унитаз потек. Захожу в свои апартаменты...

– У тебя унитаз в апартаментах?

– В туалете, умник.

– Дальше можешь не рассказывать. Ты засучил рукава и начал вынимать из унитаза говно.

– Была нужда. Я слесаря вызвал. Пришел очкарик, открыл крышку бачка, кивает и руками показывает: «Резиновая груша сливного механизма потеряла эластичность и начала прогибаться внутрь. Возник зазор, через который в унитаз и утекает вода...» Я ему говорю: «Ты сколько денег-то с меня собрался слупить?» Он отвечает: «Пятьдесят долларов».

– Да, – сказал Бриджес, – с тобой время пролетит незаметно. Куда вы меня везете?

– Туда, белый вождь, где очень-очень много негров. Если из их кожи пошить плащи, можно спасти от проливного дождя всех китайцев.

– В Алабаму? – попробовал угадать Бриджес, назвав самый «черный» штат. Это в то время, когда он улетал из самого «белого».

– На Черный континент, бледнолицый ты наш. Надень пиджак. Все-таки это одежда делает человека.

– Одежда делает человека банкротом, – огрызнулся Бриджес.

Ему исполнилось тридцать три. Он работал на ЦРУ два года. С его помощью пополнились несколькими десятками человек федеральные тюрьмы США. Самая засекреченная тюрьма Центрального разведывательного управления носила кодовое название «Матрица». В этот африканский лагерь были переведены наиболее именитые узники из Гуантанамо, поскольку кубинский лагерь взял под контроль конгресс и следил за соблюдением прав заключенных. Что не могло понравиться ни Пентагону, ни ЦРУ, которые использовали на допросах пытки и призывали конгрессменов узаконить допросы с пристрастием.

Всего в «Матрице», которую охраняла специальная тактическая группа морской пехоты, содержалось двести пятьдесят человек.

Знаменитые тюрьмы, включая Абу-Грейб, стали бельмом во всевидящем оке Штатов и не устраивали спецслужбы этой страны по определению. Пленных вывозили в места, о которых знал лишь узкий круг лиц. «Матрица» не входила в систему тюрем администрации сил коалиции, сотрудники которой имели право допрашивать гражданских заключенных, беженцев и лиц, не находящихся под стражей. «Матрица» была до упора заполнена боевиками, активными участниками терактов, несостоявшимися смертниками. Это был дьявольский рассадник по имени «Обитель зла».

Рэй Бриджес, глубоко затягиваясь сигаретой, не мог не думать о «Матрице», о том, что бесславно заканчивает свой путь; он оборвется, едва именитый подрывник перешагнет через порог африканского централа. На такие мысли наводили и фактический арест, и наручники, и то, как Бриджеса сопроводили в летающую темницу. Чтобы ни одна камера случайного репортера, оказавшегося в стеклянном коробе «Даллеса», не смогла запечатлеть его на трапе самолета.

Но больше всего Бриджеса удручал другой момент. Он не знал, где содержится Стюарт, на костях которого Рэй выехал из мест заключения. Возможно, он томится в «Матрице». Бриджес отчетливо представил тюремный прогулочный дворик, себя, зажатого в углу Стюартом и парой его друзей. Охрана не спешит на помощь, она выполняет распоряжения сверху. Более изощренного способа избавиться от Бриджеса, а заодно поквитаться с ним за погромы и поджоги придумать было невозможно.

Он не слышал оперативника, травившего анекдоты, не заметил, как «Боинг» легко и изящно оторвался от взлетной полосы и взмыл в небо. Был бы у него яд, Бриджес бы принял его немедленно.

– Мне нужно в туалет.

– Пошли, – мгновенно отозвался сопровождающий. – Для справки: у меня есть перцовый баллончик. Начнешь дергаться, я выжгу тебе глаза. – Агент приковал правую руку клиента к своей левой руке и дернул наручники, предлагая Бриджесу следовать за ним.

Вернувшись из туалета, Рэй спросил:

– Мне можно выпить?

– Сколько угодно. Коньяк, виски?

Бриджес остановил свой выбор на скотче. Через час он был мертвецки пьян и проспал тот момент, когда шасси самолета коснулись африканской земли.

Глава 1 Беглец

1

Катвана, Западная Африка, октябрь 2005 года

Облокотившись о грязную откидную полку конторки, по которой ползали громадные черные тараканы и разноцветные мухи, Александр Абрамов поджидал хозяина этого вшивого заведения под названием «Эликсиры для здоровья». Его русский разведчик перевел по смыслу: «Зелья от всех хворей». Полки ломились от склянок с препаратами, изготовленными на основе ядов змей, скорпионов, пауков, растений. Бирки кричали о полном излечении недугов, будь то половая слабость или болезнь Паркинсона. Часть этой лавки напоминала кунсткамеру. Змеи, лягушки, ящерицы, насекомые мариновались в прозрачной и тягучей на вид жидкости. В каждой банке или бутылке спасение для хворых.

Чернокожий хозяин экзотической аптеки, расположенной в центре поселка под названием Джордж, вернулся в конторку и возобновил прерванный телефонным звонком разговор. Ему было лет сорок – сорок пять. На его лоснящемся лице выделялся широкий плоский нос с огромными ноздрями. Абрамов не мог отделаться от чувства, что африканец, похожий на Кинг-Конга, смотрел на него через стекло, прижавшись к нему лицом. Ему бы не помешало открыть какую-нибудь банку и принять снадобье от желтухи, заметил капитан. Белки его глаз походили на лимонные корки с червоточинами-зрачками посередине.

Аптекаря звали Тонге, он здорово говорил по-английски.

– Значит, вас не интересуют готовые препараты?

Абрамов покачал головой:

– Я уже говорил: нет. Хотите заработать, сведите меня с вашими поставщиками. Если дело пойдет на лад, мы поговорим о стабильных процентах.

– Мои поставщики – аборигены, им нужно кормить свои семьи. Их работа – ловить гадов и приносить их мне. Моя работа – изготовить и продать готовое зелье. Ко мне заглядывает множество туристов, они мои клиенты.

– У вас свой серпентарий?

– Послушайте, мистер, – терпеливо объяснял аптекарь, – я беру от природы только то, что она может дать. Я не использую одну и ту же змею дважды. Вас интересует яд зеленой мамбы. Он вчетверо сильнее яда кобры. Мамба за один раз может дать шесть капель яда. Назавтра она даст суррогат. Я беру шесть капель и отрубая змее голову. Некоторые европейцы, обосновавшиеся здесь, выжимают змей, как половую тряпку. Но это их дело, верно? Я родился и вырос здесь. Змея, отдавшая свой яд, должна умереть. Она либо убивает человека, либо спасает ему жизнь.

– Разве второй и третий укусы змеи будут несмертельными?

– Человек или животное умрет. Но мы говорим о разных вещах. Я говорю о том, во что я верю. А вы только воспроизводите свои утилитарные мысли вслух.

– Вы образованный человек, – покивал капитан, взглянув на аптекаря по-новому.

– По специальности я фармаколог-токсиколог, – с наигранной ленцой заявил тот. – У меня есть порошки на основе змеиного яда. В сухом виде они хранятся сколь угодно долго. Но каждый кристаллик пронумерован от одного до шести. Вас устраивает такое сравнение?

– Вполне, – согласился Абрамов.

– Я могу назвать людей, которые продадут вам порошок, изготовленный из яда замученных змей. Как вы думаете, эта озлобленная отрыжка издыхающего гада поможет больному человеку?

– Я бизнесмен, а не лекарь. У нас разные вероисповедания. Я верю в силу денег.

– Хорошо. Вас интересует большая партия токсина? – поинтересовался Тонге.

– Речь идет о десятках граммов. Я бы не приехал сюда, если бы яд можно было синтезировать в *лаборатории*, – слегка акцентировал Абрамов. – Он содержит слишком много токсинов – до сотни. С одного грамма яда получается одна сотая доля грамма токсина М4.

Абрамов ожидал вопроса о стоимости токсина и был готов ответить детально. Его консультировал специалист в области природных и синтезированных ядов, заведующий лабораторией в закрытом НИИ-17 Минобороны. Рыночная стоимость одного грамма М4 составляла один миллион долларов. Дефицит времени не позволил Абрамову получить более подробную информацию о ядах. В этот раз он оперировал пусть и звучными, но все же верхушками сложной проблемы. Склонный к импровизации, капитан мог легко выехать на поверхностных знаниях в любой беседе, пусть даже собеседник – большой специалист в той или иной области. Собственно, Абрамов размышлял над академическим стилем. Он сравнил свое состояние с прочтением заголовков в газете, тогда как с материалом он ознакомиться не успел.

Когда разговор с африканцем вышел на качественно новый виток, Абрамов сделал упор на то, что его не устраивает рыночная стоимость токсинов.

– Моя работа – купить дешевле, продать дороже.

– Значит, ваш интерес крутится вокруг десятка граммов. – Хозяин прихлопнул таракана и смахнул его с откидной полки. Отерев руку о пеструю рубашку, он покивал. – Я что-то слышал о крупном серпентарии и производственном цехе. Он спрятан глубоко в тропических лесах. Аборигены называют его по-разному и стараются держаться подальше. До него не доберешься на джипе, разве что на лодке по реке. Туда раз в неделю летают вертолеты. Думаю, лаборатория... Так я называю этот серпентарий, – пояснил аптекарь. – Его хозяева сами работают на рынок и вряд ли предложат вам низкие цены.

– Я умею договариваться с людьми, – скупно улыбнулся Абрамов. – Я могу через вас найти проводника?

– Вы слишком много от меня хотите. – Тонге ответил капитану широкой улыбкой. – Вы симпатичный малый, мне вас будет искренне жалко, когда вами полакомится местное племя каннибалов. Они едят людей и говорят, что мясо человека напоминает по вкусу мясо ягуара. Оно и сладкое, и соленое одновременно. Мой вам совет: бросьте эту рискованную затею.

– Я хочу заработать.

Хозяин аптечной лавки покачал головой:

– Вы найдете свою смерть. Вам могут повстречаться не только чернокожие.

Едва за клиентом закрылась дверь, Тонге схватил телефонную трубку.

– Майора Бабангиду, пожалуйста. Майор? Это Тонге. В поселке появились люди, которые вас наверняка заинтересуют. Русские. Да, пару раз прозвучало слово «лаборатория». Я действовал по инструкции. Да, я все понял. До встречи.

2

Александр Абрамов остался недоволен собой. В беседе с Тонге русский разведчик был излишне настойчив. При других обстоятельствах ее можно было разделить на две части: поговорить сегодня и перенести на завтра. С другой стороны, Абрамов проявил типичное для бизнесменов упорство; оно не билось предпринимательской жилкой, но клокотало артериальным давлением. Вот эта разница омрачала лицо капитана. Его черты чуть смягчались, когда разведчик выделял три главных момента в этой беседе: лаборатория; еженедельные рейсы вертолета; леса, в которых могут повстречаться не только чернокожие.

Фактически подтвердился факт существования секретного цеха по производству токсинов, в том числе и растительных. Тут проскальзывала одна видимая аналогия: в лавке Тонге было множество препаратов на основе растительных ядов. Грех не взять то, что растет у тебя под ногами.

На завтра капитан запланировал повторную встречу с аптекарем. Она могла начаться с искренней улыбки негра: «Еще не передумали?»

Нельзя заострять свое внимание на одном человеке, перечил себе Абрамов, находя в рассуждениях африканца много разумного: одну змею он не использует дважды. Он будто ориентировал русского разведчика на другой городок, поселок, другого человека.

В этом поселке, лежащем на пути одного из туристических маршрутов, Абрамов провел всего несколько часов. Он снял отдельный домик, стоящий на сваях-бревнах в ряду таких же экзотических строений. Все удобства на улице, включая умывальник. Четыре стены из бамбука, ветхая дверь; гамак, плетеные столик и один-единственный стул. Ни радио, ни телевизора. Перевалочная база на пути к приключениям.

Кожа капитана горела от укусов moskitov и мух. От кровососов не спасали специальные средства, продававшиеся в лавках. Спирали, призванные отпугивать насекомых, привлекали их ароматным дымом. Гели раздражали кожу и приносили мнимое облегчение на час-полтора. Но главный зуд в голове, в подсознании. Все время кажется, что ты облеплен беспощадными кровопийцами. Абрамов предчувствовал, глядя на отражение своего опухшего лица в зеркале, что заработает аллергию и в конце концов прекратит свои страдания, открыв одну из банок Тонге.

Его новая агентурно-боевая единица расположилась по двое в таких же домиках. Люди разные, но вместе они виделись сплоченной командой. Это больше всего и беспокоило капитана 2-го ранга. Он не раз и не два ставил на их место бойцов Евгения Блинкова, теперь уже его бывших агентов. Бесшабашные и лихие в группе, они отводили и успокаивали чужой подозрительный взгляд. Они были открыты в своей естественной маске вечных путешественников, искателей приключений. И капитан едва не простонал: «Боже, как мне вас не хватает... Мне тридцать один, а я рассуждаю как школьник. Я натурально глупею. Во мне начинает биться слезливая сентиментальность. Любое воспоминание берет за горло, как после месячного запоя». Флотский подполковник переживал сильную депрессию и мог излечиться лишь временем. А здесь его не купишь даже в уникальной лавке Тонге.

* * *

Капитан лежал в гамаке, прикрыв лицо мокрым носовым платком. Такой простой компресс помогал переносить зуд и приносил облегчение.

На легкий стук в дверь он чуть повернул голову и приподнял край платка. На пороге стоял командир диверсионной группы: плечистый парень лет двадцати восьми, одетый в спортивные штаны и джинсовую безрукавку.

– Разрешите, Александр Михайлович?

– Да, Макс, заходи, – ответил Абрамов. – Черт нас дернул оказаться в этой дыре! – капитан избавился от компресса и рассмеялся: – Докатился до косметических масок! Не спится, Максим? Присаживайся.

– Не спится. Лежу, ворочаюсь, какие-то образы придумываю, чтобы заснуть. Все мимо, ничего не помогает. – Спецназовец занял место на скрипучем стуле. – Отчего-то перед глазами казармы спецподразделения, где нас обучали поведению на допросах.

– О-о, это ты зря так настраиваешься на работу, – покачал головой Абрамов, присаживаясь напротив гостя. – Хотя такие мысли приходят по настроению, правда? Но клин клином вышибают. Я тоже в свое время проходил подобный курс. Нам прививали навыки выживания в условиях плена, повышения сопротивляемости и адаптациям к реальным условиям неволи. На четыре недели нас превращали в заключенных и обращались как с настоящими военнопленными. Регулярно измерялся уровень стрессового гормона кортизола в крови курсантов. В то время я был в звании старшего лейтенанта.

– Александр Михайлович, я хотел спросить, почему вы согласились курировать нашу группу, – Диверсант взъерошил короткие волосы и прямо посмотрел в глаза капитана. – Не от большого желания, так ведь? До вас двое офицеров разведки отказались от этого задания. Да и мы сами были не в восторге от них. Вы вроде бы ко двору пришлись.

– Попросту говоря, я сбежал из одного места, – откровенностью на откровенность ответил капитан, – чтобы снова оказаться под крылом военной разведки. Бросил друзей. Один из них похож на тебя. Женя Блинков по кличке Джеб. Он из отряда боевых пловцов. Не слышал о нем?

– Нет, – Максим покачал головой.

– Знаешь, он как-то сказал: «Не материализовывай свою мечту, иначе ты убьешь ее». Тогда не было и намека на наш с ним разрыв. Но, понимаешь, жизнь устроена не так, как земной шар. Он круглый, а все отношения людей похожи на треугольник. Мы сами выбираем эту фигуру и корчимся на ее острых углах.

– Да, – улыбнулся Максим, – это вы верно подметили.

– Нет, брат, не подметил, а вывел эту живую формулу, высидел ее, как наседка высиживает яйцо. Знаешь что, давай-ка мы с тобой раздавим бутылочку. Чувствую, надо выговориться, а без допинга ничего не получится. Рванем по-флотски.

Капитан достал из сумки бутылку коньяка и разлил в пластиковые стаканы.

– Давно я по полному не поднимал... Будем! – Абрамов медленно поднес стакан к губам и осушил его в несколько глотков. Отдышавшись, он прикурил сигарету. Поймал себя на мысли, что похож на героя Алена Делона в фильме «Один в городе». Перед казнью на гильотине ему дают глотнуть коньяка и затянуться сигаретой.

В голове капитана зашумело. Он был готов поделиться с новым товарищем самым сокровенным. Может, потому, что с близким человеком ему было бы намного трудней.

– Только не думай, что я нашел свободные уши, – совсем необязательно предупредил он Максима.

– Я вроде бы на таксиста не похож, – ответил спецназовец.

Абрамов с минуту настраивался на разговор по душам, словно все еще сомневался.

– Год назад я возглавлял отдел в разведке флота. В августе получил в разработку группу бывших морпехов. Они решали свои финансовые проблемы, грабив морские суда с контрабандой на борту. Впоследствии мы провели три блестящие спецоперации. Что называется, «выстрелили». Я разрабатывал планы, а бойцы моей группы корректировали их по ходу работы. А она впечатлила руководство управления настолько, что нам разрешили выбрать в качестве крыши испанский отель, легализовав преступные деньги. Приличная легенда – комар носа не подточит. Я к тому времени ушел в запас, но продолжил пахать на военную разведку.

Две недели назад из Москвы на мое имя пришел факс. Это был ответ на мое заявление о восстановлении на прежней должности в разведуправлении флота. Его я написал сгоряча, но отзываться не стал. Парням я бодро докладывал: мол, давно подумывал вернуться в управление. А на душе муть: взаимоотношения внутри агентурной группы уже не те, что были раньше. И вот тут в мою комнату вошла Лолка...

– Кто она? – заполнил паузу Максим.

Капитан разлил остатки коньяка. Они выпили, и он продолжил чуть заплетающимся языком:

– Она классная, смелая, красивая. Другая с таким-то телом давно бы забыла про голову. Но только не Лолка. В нашей группе она проходила как владелица отеля. Я занимал должность начальника службы безопасности. Джеб был старшим инструктором подводного плавания. Год назад он сам порвал с Лолитой... И вот я собираю свои вещички, входит Лолка. Не знаю, зачем она пришла – попрощаться или уговорить меня не делать глупостей. Знаешь, Максим, тогда я не был под мухой, а говорил так, будто прилично принял на грудь. Как идиот, стал ворошить прошлое. «Я прилетел на встречу с вами, не зная вас, не представляя, какие вы, будущие агенты флотской разведки. Ты была первой, кого я увидел. С тобой я познакомился раньше, чем с Джебом. Мы провели вместе лучшие минуты в моей жизни. Ты бродила по набережной, спускалась на пляж. Тогда я забыл все слова...»

Я ничего не соображал. С Лолкой мы прожили год, и вот я заговорил о правах на нее, словно речь шла о недвижимости. О том, что мне не давало покоя и гнало обратно в Москву. Я понимал, что наши отношения не могут продолжаться вечно. Я смотрел на Лолку, и во мне зародились злые мысли: «Ты и Джеб. Ты и я. Снова ты и Джеб. Ты пошла по рукам». Она словно подслушала мои мысли и ответила также жестко: «Ты хочешь уехать – уезжай».

«Ты здесь чужой», – дополнил я, глядя ей вслед. Я бежал из отеля, где меня душили сложные отношения между мной, Джебом и Лолитой. Но вдруг поставил себя на место Женьки Блинкова. Он-то как умудрялся уживаться в этом треугольнике! Приспосабливался? Терпел? Терпение лопнуло? А ведь они с Лолкой были вместе девять лет – с ума сойти! Он что, на девять лет одолжил ее сердце, чтобы развлечься? Ответь мне, Максим, есть ли польза от сравнений? Порой один день, час стоит десятилетий. Хотя до этого разговора я думал и говорил по-другому. Я принял ситуацию такой, какая она есть. Но эти несколько дней распалили меня, наверное, потому, что я ничего не мог исправить. Понял, что надо ставить точку. Все закончилось, я плачу по счетам. Я перевернул факс на мое имя и на обратной стороне написал крупными буквами: «Парни, я не такой, как о себе думаю». Я даже им руки не пожал на прощание. Смылся тихо, по-английски.

Капитан немного помолчал.

– А ты говоришь, что я пришелся ко двору...

3

Тонге хорошо запомнил инструкции армейского майора Натала Бабангиды. Такие же наставления получили все местные жители. Майор обязал их немедленно докладывать об иностранцах, интересующихся токсинами, а также проявляющих интерес к военным служащим, военной технике, вооружению. Местные войсковые подразделения подчинялись Бабангиде, а тот напрямую контактировал с руководством американской военной базы. Майор был хозяином этих мест, он объезжал поселки на своем армейском джипе, подаренном ему американцами, брал в магазинах все, на что падал его взгляд.

Он командовал одним из пяти округов, насчитывающим пятнадцать населенных пунктов, с четырехтысячным центром Виллерой.

Джип, оснащенный парой пулеметов, остановился в конце поселка. Майор спрыгнул на землю, вызвав небольшое землетрясение, и направился к крайнему дому. Золотистые аксельбанты, роскошные погоны, также расшитые золотой канителью, и медали на кителе Бабангиды произвели на хозяев дома соответствующее впечатление; майор впервые перешагнул порог их дома. Он впился глазами в Тонге, потом поочередно глянул на хозяев. Он был немногословен, ткнув в каждого пальцем:

– Ушли!

Хлопнула дверь, и майор остался наедине с аптекарем. Пододвинув к столу лавку, он присел, поправив черный берет. Бабангида был не меньше двух метров роста, весил центнер с гаком.

– Рассказывай, – коротко приказал он.

Дом Тонге находился в середине поселка. Покатая крыша соединила его с аптекой. Чтобы не напрячь русского предпринимателя, майор назначил встречу на окраине Джорджа.

Тонге обладал отличной памятью. Он слово в слово передал разговор с Абрамовым.

Натал Бабангида с минуту молчал.

– Завтра ты дашь ему проводника. Он проводит русских до реки и договорится насчет лодки. Еще раз предупреди своего клиента, что он пускается в рискованное путешествие, чтобы он не заподозрил тебя. Ты меня понял?

– Да.

– Если он проявит интерес к оружию, сошлись на меня. Скажешь, что военные охотно продадут автоматы Калашникова, американские и южноафриканские пистолеты – «кольт», «вектор». Впрочем, не загружай его названиями. И взбодрись – ты паршиво выглядишь.

Майор встал, сдернул с окна занавеску и протер ею запылившиеся в дороге ботинки с толстой рифленой подошвой.

– Если провалишь дело, я вытру ботинки твоей мордой.

Он развернулся и вышел из дома.

4

Беспокойная ночь не могла принести облегчения. Сомнения и кровопийцы, объединившись, продолжали жалить капитана Абрамова. Он был не в восторге от легенды, разработанной в недрах разведуправления. Прикрытие на первый взгляд неплохое: он – деловой человек, четверка агентов – физическая защита. В поисках низких цен на уникальное сырье он намеренно оставил без внимания крупные города и поселки и сделал выбор в пользу небольшого селения, такого чек-пойнта на пути многочисленных туристов, частенько скупающих местные снадобья – опять же не ради излечений болезней, а во имя ее величества экзотики.

Прикрываясь жаждой наживы, группа капитана Абрамова выполняла поставленную перед ней задачу: продвинуться и разведать пути к лаборатории как можно ближе и лучше; подтвердить наличие засекреченного объекта, известного штабу под названием «Икс-Рэй Лабс», наличием патрулей и скрытых блокпостов, курсом военного вертолета. По возможности подойти к объекту вплотную и снять его на пленку, зафиксировать его местоположение по прибору спутниковой навигации.

Капитан не сомневался в своих бойцах. Они прошли хорошую разведывательно-диверсионную школу и выполняют задание. В их багаже хранилась экипировка под саванну, холодное и огнестрельное оружие. Абрамов часто забегал вперед и видел себя на биваке, а бойцов – на пути к объекту.

Он вышел во двор, в облаке комаров справил нужду, умылся, отплеываясь. Зашел в домик, где его поджидали агенты.

– Как спали, ребята?

– Нормально, – отозвался Максим.

«Мы люди привыкшие», – мысленно дополнил капитан. Они сутки могли провести без движения, будучи облепленными комарами и слепнями. Однако чувство зависти не коснулось Абрамова.

– Я схожу к нашему Тонге. Даст бог, сегодня тронемся в путь.

В намокшей после водных процедур рубашке, в кроссовках, которые он не снимал вторые сутки, капитан направился к лавочнику.

Было раннее утро, однако заведение Тонге осаждали немецкие туристы. Из их разговора с африканцем Абрамов понял, что они сделали в поселке короткую остановку, возвращаться намерены другим маршрутом. Они купили заспиртованных змей, навеки застывших в банках грациозными кольцами, и погрузились в джипы. Водитель головной машины просигналил, и колонна двинулась в соседний заповедник.

А вот это хорошее прикрытие, подумал Абрамов. За исключением местных водителей и гида. От них, не вызвав подозрений, так просто не избавишься.

Капитан и Тонге приняли одинаковую позу – облокотившись о стойку.

– Так что ты решил? – спросил Абрамов. – Думал над моим предложением?

– Думал, и вот что решил. Без оружия вы сгинете в этих местах. У проводника есть ружье, но одного ствола мало.

– Что ты предлагаешь?

– Я рассчитываю на сто долларов. За эти деньги я сведу вас с одним военным, он продаст вам оружие и вернет часть денег, когда вы вернете товар.

– Кто этот военный?

– А, его подразделение базируется далеко от нашего поселка, – Тонге махнул рукой в сторону. – Военные к нам редко приезжают. Зачем? Их присутствие не пойдет нам на пользу. Мы живем за счет туризма. Своими наездами они отпугнут клиентов.

– Честно говоря, я не умею обращаться с оружием. Правда, двое моих парней когда-то служили в армии. Может, взять пару автоматов?

– Я все сделаю. Подходите к двум часам, познакомлю вас с проводником.

Спутниковая трубка капитана функционально напоминала шифровальный прибор. Ключевая информация, записанная на микросхемах, мгновенно уничтожалась нажатием и удерживанием двух кнопок либо разрушением корпуса. Прочая информация, включая список номеров, стиралась при отключении питания.

Вчерашним вечером Абрамов выходил на связь со штабом. Сейчас он не мог точно воспроизвести свой доклад, в голове крутился микс из шпионской и бандитской литературы: «Втерся в доверие к лавочнику, дело на мази».

Набрав номер и дождавшись соединения, Абрамов мысленно представлял адъютанта, спешащего со спутниковой трубкой к шефу.

– Да, слушаю, – раздался голос адмирала.

– Тонге за вознаграждение предложил купить оружие у военных. Меня тревожит этот факт.

– И?.. Обоснование Тонге – это ваша безопасность?

– Так точно.

– Дай согласие на пару стволов.

– Я так и сделал. С проводником познакомлюсь ближе к обеду. Думаю, завтра утром мы двинемся в путь, доберемся по поселка старателей.

– Будешь на месте, отзовишься. Удачи.

* * *

Огромный негр в замызанной форме и грязных ботинках воровато оглянулся на дверь и положил увесистый сверток на прилавок. Развернув его, он взял в руки автомат Калашникова – «коротышку» «АКС-74У» калибра 7,62. Вопросительно округлив глаза, майор Бабангида глянул на Абрамова. Тот покачал головой и уступил место Максиму.

Русский спецназовец принял «плевательницу», отличающуюся посредственной точностью и кучностью, и от майора не ускользнул его пренебрежительный взгляд. Он отметил точные движения русского, его прикосновения к деталям и узлам автомата и мысленно воспроизвел пояснения Тонге: «Товарищи Абрамова когда-то служили в армии». «Нет, – майор незаметно качал головой, – по крайней мере, один из них держал оружие совсем недавно. Он – профи», – безошибочно определил Натал, обращая внимание на руки спецназовца, на его кулаки с набитыми костяшками; ими он мог сокрушить любую голову.

Майор неплохо справлялся со своей ролью. Во всяком случае, он, «грязный африканец», переигрывал противника. В этом он поднаторел на американской базе, окончив полугодичный курс подготовки разведчика.

– Есть пистолеты – «вектор», «кольт». Возьмите, мало ли что. Есть военные палатки. – Его взгляд, голос, поза говорили о том, что он готов распродать все имущество войскового подразделения. И едва не перегнул палку, когда собрался предложить пулемет с армейского джипа.

Машина стояла напротив лавки. Вчера она сияла чистотой, сейчас отталкивала грязью. Это был знаменитый «Хаммер» с усиленным бронированием, огромным дорожным просветом, способный преодолевать крутые подъемы и глубокие броды. Он был незаменим в этих краях.

– Сколько вы просите за автоматы? – прервал молчание Абрамов.

– Полторы тысячи за штуку, – проявил жадность Бабангида.

– До свиданья, – сказал капитан, глядя в его сквалыжные глаза. Американцы скупают автоматы Калашникова не дороже шестидесяти долларов за единицу, имея прямые контракты

с «Ижмашем». Здесь «главный апостол марксизма» стоил максимум триста баксов. И он едва не воспроизвел свои мысли вслух.

– Хорошо, полторы за оба ствола.

– Пятсот. Или идите к чертовой матери, – завелся Абрамов.

Натал продемонстрировал идеально ровные, чуть отдающие желтизной зубы.

– По рукам.

– Нет, не по рукам. Вы отдадите мне половину, когда я верну оружие. Именно на условиях аренды мы договаривались с вашим товарищем, – Абрамов кивнул на Тонге. Тот подтвердил слова клиента глубоким кивком. – Не забывайте, господа, что это вы пытаетесь всучить мне автоматы. Я цивилизованный человек, а не кровожадный дикарь.

* * *

Хозяин «Лендровера» Кереку, он же проводник, прибыл в Джордж из соседней деревни лишь под вечер. Познакомившись с командой Абрамова, он предложил выехать за час до рассвета. Места ему хорошо знакомы, он обещает «незабываемое путешествие по ночному тропическому лесу». Ему было слегка за сорок. В первую очередь он изумлял своей прической. Плотная копна свалявшихся волос походила на встревоженный муравейник. Немного насто- раживали его темные глаза. Обычно они говорят больше, они теплее, насыщеннее светлых глаз. Не сами глаза, но взгляд Кереку из-под припухших век понудил капитана подумать о том, что где-то в глубине есть потайной лючок. Из него так и тянет сквознячком печали. Абрамов отчего-то сравнил его с клоуном: на его лице намалевана широкая улыбка, тогда как глаза подернуты пленкой грусти.

Шестиместный «Лендровер» почти ни в чем не уступал «Хаммеру». Он непринужденно преодолевал продольные подъемы и полуметровые броды, удивляя своей устойчивостью.

Абрамов весь отдался сквозняку в машине. Плотный поток воздуха выгнал из салона всех комаров, освежал лицо и залечивал зудящую кожу.

От проводника ничего нельзя было скрыть. Он, не отрывая взгляд от дороги, сказал на английском:

– В деревне, куда мы едем, нет комаров. Есть мошка, но ее мало, даже не заметите.

– Не верю, – закрыв глаза, ответил Абрамов и повторил чуть тише: – Не верю.

Чем ближе к деревне подъезжал «Лендровер», тем отвратнее становилось на душе капитана. Случайности, мелкие совпадения не давали ему покоя. Тонге словно ждал русского разведчика, ответил на все вопросы, не оставив ни одного белого пятна. Он обозначил свои взгляды на вещи, которые для Абрамова были мертвым рабочим материалом.

Совпадения тревожили и в то же время успокаивали воспаленную голову капитана. Они вылились в полушутливую фразу из какого-то американского фильма: «Мы прохожие. Ходим от одного совпадения к другому».

Неповторимый рассвет прогнал неуютную темноту. Небо залило оранжевыми красками, вспыхнувшими на несколько коротких мгновений на вершине вечнозеленого леса. По глади речушки пробежали огненные всполохи и пропали, будто их и не было. Небо стало ослепительно синим, река Красивая – серо-голубой. Трава и деревья облачились в зеленый дневной наряд.

* * *

Полтора десятка американских спецназовцев заняли выгодные места для атаки. Шестеро военных во главе с майором Бабангидой догоняли на джипе «Лендровер» с русскими.

Проснувшиеся джунгли. Спящий поселок. Крадущаяся к реке машина. Руки водителя, ставшие нервными к концу пути.

Четверка русских диверсантов, словно они были единым организмом, на одном чутье определила опасность. Только сейчас для них пошла работа, которой их долго учили. Старший группы повалил Абрамова на пол машины, прикрыв его своим телом. Двое других, обнажив оружие, отстрелялись через окна по закачавшемуся кустарнику. Четвертый, перегнувшись через кресло водителя, распахнул дверь и одним сильным и расчетливым движением выбросил Кереку на землю. Он едва успел занять его место, как ему в голову ударила пуля, вылетевшая из снайперской винтовки.

Джип накрыло плотным огнем из автоматов и винтовок. Двух русских автоматчиков изрешетили пули натовского калибра. Абрамов почувствовал, как резко потяжелело тело Максима, прикрывшего его, а по шее потек ручеек его крови. Капитан высвободил руку и выхватил спутниковую трубку. Он едва ли не вслепую выбрал номер адмирала и горячо выдохнул, услышав ответ «Слушаю»:

– Мы попали в засаду! Мои люди убиты!

Его пальцы нажали две кнопки, и трубка сожгла всю ключевую информацию.

Лица американских «тюленей» были раскрашены в боевые цвета. Двое бритых наголо головорезов выволокли из машины раненого спецназовца и бросили его на траву. Он уже не чувствовал боли, даже когда в его голову дважды ударил армейский ботинок. Он силился что-то сказать, но его остановила пистолетная пуля.

Рядом с ним корчился на земле Абрамов, не в состоянии увернуться от мощных ударов. Два морпеха подняли его, удерживая за руки. Третий нанес ему сокрушительный удар в солнечное сплетение и тотчас рубанул ребром ладони по шее.

5

Подчиненные майора Бабангиды перенесли трупы русских боевиков на обочину ухабистой дороги и стали рядом, взяв автоматы на изготовку. Американцы, экипированные в зеленую униформу, освободили джип проводника от рюкзаков и складывали их содержимое на траву.

– Я бы поменялся с ними формой, – сказал рослый американец с лошадиной челюстью, рассматривая в вытянутых руках камуфлированный диверсантский комбинезон. Он вывернул одежду, просмотрел каждый дюйм, но не нашел ничего, что указывало бы на фирму-изготовителя. Одежда была добротной, с тройным швом. Ткань отталкивала воду, но позволяла телу дышать.

– Пожалуй, я заберу себе «кольчугу». – Спецназовец с позывным Астронавт свернул сетчатый жакет-поддевку и сунул его в грудной ранец. – Стираная, но так даже лучше.

Американцы выложили в ряд автоматы Калашникова с приборами для бесшумной стрельбы, бинокли, ночную оптику, фотоаппарат в брызгозащитном исполнении. «Да, – покивал командир группы, – русские подготовились основательно».

Он бросил взгляд на хижину, где двое спецназовцев стерегли капитана Абрамова, и вышел на связь с начальником базы.

– Бриджес, – назвал он себя. – Да, прилично экипированная и вооруженная единица. Пять человек. Нет, не диверсионная, а разведывательная. Потому что у них нет ни грамма взрывчатки. Что? Ах, они могли воспользоваться нашими спецсредствами и взрывчаткой! Интересно было бы на это посмотреть. А может, они в курсе системы «self-destruction»¹ на нашем объекте? Нет, не я, вы шутить изволите. Старший группы жив. Понял. Жду.

Пока что Рэй Бриджес ни словом не обменялся с Абрамовым. Он только хмыкнул в ответ на его уловку: когда русского капитана выводили из машины, тот резко вскинул голову и разбил лицо о стойку задней двери. Наивный, он надеялся выставить травму как физическое воздействие на него. Это единственное, что он мог сделать. Он действовал рефлекторно, значит, его хорошо научили таким приемам, рассуждал Бриджес.

Он выкурил сигарету, настраиваясь на беседу с русским разведчиком. Пока что он не оперировал никакими определениями. И все же задавал себе вопросы: «Кто он, дилетант? По виду стреляный. Но и профи его не назовешь. Как-то безголово он попал в ловушку».

В обязанности Бриджеса не входил «горячий» допрос пленника, но он не мог упустить такого случая. Пока вертолет в пути, он успеет задать капитану много вопросов.

Высокий, крепкого телосложения, одетый в военную форму, он шагнул за порог хижины.

– Меня зовут Рэй Бриджес, – представился он и с минуту изучал Абрамова, лежащего со связанными руками на земляном полу. Американец легко, без видимых усилий поднял капитана и опустил его на кровать. Пододвинув ногой шаткую лавку, он устроился напротив. Изобразив на лице доверительную улыбку, перешел на соответствующий тон: – Вас-то как зовут?

– Алекс, – ответил Абрамов, проводя языком по разбитым губам.

– Что вы делаете здесь, Алекс? Только не говорите, что приехали на сафари.

– Я бизнесмен.

– В какой области?

– Медицина. Меня интересуют яды местных змей. Точнее, токсины. На их основе фармакологические фабрики изготавливают препараты для обезболивания и лечения нервной системы.

¹ Самоуничтожение (англ.).

– Вы сами часто употребляете такие препараты. Нервы у вас хоть куда. Завидую вам, Алекс. Вы в состоянии купить хотя бы один грамм токсина?

– Я не собираюсь отвечать на финансовые вопросы.

– Ответьте на технический вопрос.

– Может, вы мне ответите, что здесь происходит?

– Вы приблизились к режимному объекту. А нам в таких случаях предписано открывать огонь на поражение.

Бриджес протянул руку в тонких кожаных перчатках и принял от рослого спецназовца документы Абрамова. Он уже во второй раз изучал его паспорт, но только сейчас, оказавшись лицом к лицу с капитаном, Бриджес многозначительно покивал:

– Вы русский. Как и ваши товарищи-змееловы, – он не удержался от широкой улыбки, смягчившей его суровые черты.

– Я плохо знал этих людей. Мы познакомились в поселке. Я заплатил им, и они согласились сопровождать меня.

Абрамов поднял глаза на вошедшего в хижину чернокожего майора. В этот раз Натал Бабангида предстал перед капитаном ухоженным, уверенным в себе человеком. На его упитанном лице плескались гордость и самодовольство.

Бриджес небрежно кивнул в сторону майора.

– Мы его называем Черным Дракулой. Единственное, что в нем есть светлого, – это ум. Вы никогда не интересовались, какого цвета мозги у негров? Я видел их много раз. И всегда из разбитых черепов на меня смотрела отвратительная красная масса. Так на кого вы работаете? – спросил Бриджес. – Какую организацию вы представляете?

– Частную компанию «Фармо-Эксперт», связанную договорами с Московским аптечным управлением. Прочтите командировочное предписание. Я долго работаю в этом бизнесе, начал с поставок в медицинские учреждения тибетского мумие.

– Выбросьте из головы медицину. Вы шпарите по-английски без акцента. Даже я, американец, не успеваю за вами. Уверен, вы не знаете ни одного латинского слова. На кого вы работаете?

– На частную компанию.

– Ладно, Алекс, мы развяжем ваш универсальный язык. Хотя мне будет искренне жаль, если вы попадете в «Матрицу». Знаете почему? Потому что выхода оттуда нет.

Через час веревки на руках Абрамова заменили стальные наручники. Он слышал слова начальника военной базы майора Веллера, человека лет тридцати с небольшим. Он обращался к своему коллеге, имея в виду трупы русских боевиков.

– Зачем нам это дерьмо в «Матрице»? – Увидев рядом Бабангиду, Веллер недовольно спросил: – Что ты здесь делаешь, Натал? Возвращайся в поселок. – Когда чернокожий гигант занял место в своем джипе, майор продолжил: – Снимите трупы на видео, на фотокамеру, возьмите отпечатки пальцев. Пусть аборигены закопают их где-нибудь.

Абрамова посадили в вертолет, набитый американскими морпехами. Бриджес нарисовался у открытого люка «вертушки», проделавшей долгий путь до военной базы, и нашел глазами русского капитана:

– Добро пожаловать в «Матрицу». Помните, я говорил об одной двери, которая открывается только внутрь?

Глава 2

Уколы судьбы

6

Испания, три недели спустя

Отель «Берег мечты» мог принять до восьмидесяти гостей, разместив их в пятидесяти номерах класса люкс. К услугам клиентов были отдельные комнаты для деловых переговоров, секретари. Ресторан с испанской и чилийской кухней, бар, бассейн с искусственной волной. Роскошный пляж протянулся изогнутой косой до парка Порт-Аventura.

После отъезда капитана Абрамова Евгений Блинков занял его должность и кабинет, расположенный за стойкой регистрации. Он имел два выхода – в административную часть гостиницы и холл.

Лолита неделю провела в Москве и вернулась только что, не заходя в свой офис на втором этаже основного здания. Она была в светлых брюках и нежно-голубой блузке без двух первых пуговиц на стойке, отчего одежда смотрелась непринужденно. Волосы подстрижены перистой лесенкой под «гарсон», словно она высушила их на сильном ветру.

Она поздоровалась с дежурным администратором и открыла дверь в кабинет Блинкова. Подошла, поцеловала, положив руку ему на плечо. Джеб ответил на поцелуй, проводя рукой по ее волосам.

– Постриглась?

– Да, – ответила Лолита. – Поначалу остановилась на «паже», потом передумала: каждый день укладка.

Она положила сумочку на край стола и заняла место на новой софе, заменившей диван. Чуть повернула голову, неотрывно глядя на Блинкова, отчего молочной белизны в ее глазах стало больше. Румяна на щеках проступили заметнее под светом настольной лампы и подчеркнули ее черные брови.

– Что-то случилось? – проявил проницательность Джеб.

Костюмные брюки, светлая рубашка с короткими рукавами и полосатый галстук добавили ему официальности, и он уже не походил на прежнего Джеба, которого знала Лолита. Ей было пятнадцать, когда они познакомились...

– Не знаю, случилось что-то или нет, – Лолка пожалала плечами. – На автоответчик в моей московской квартире пришел месседж от матери Абрамова. Он куда-то пропал. За три недели от него не поступило ни одного звонка. Мне пришлось встретиться с его родителями.

– Что они сказали?

– Его восстановили в должности начальника отдела. Прошло дня три-четыре. Он собрал вещи в дорожную сумку и сказал, что уезжает в рабочую командировку.

– У него свой дом в коттеджном поселке, квартира в Москве.

– Он остановился у родителей. Мы знаем причину: чтобы первое время не быть в одиночестве.

– Это не причина, а твои сопли. Он взрослый человек, а ты думаешь о нем как о ребенке.

– Мы расстались паршиво, – с каждым мгновением мрачнела Лолка. – На душе было муторно. Мы прогнали его. Или ты хочешь возразить?

Блинков промолчал. В отутюженных брюках и рубашке он чувствовал себя не в своей тарелке. У него не было своего стиля, одевался как многие: тенниска, джинсы, кроссовки. Сей-

час он, задавая Лолке вопросы, впервые ощутил себя в роли начальника службы безопасности, словно расследовал происшествие, и скривился: «Бредятина!»

– Что конкретно тебе сказали родители Абрамова?

– В том-то и дело, что ничего конкретного. Мать сказала, что он всегда давал знать о себе. Когда был в командировках в Израиле, Египте, всегда звонил. Поэтому она никогда не загружала его своими звонками.

– Сам он не отвечает на звонки?

– Нет, – покачала головой Лолита.

– Три недели – большой срок, – согласился Блинков. – Ты у адмирала не пробовала узнать подробности?

– Его персональный телефон не отвечает. Может быть, номер сменился. Пару раз выходила на его адъютанта. Ответ один и тот же: шефа на месте нет, когда будет – неизвестно.

– Капитан в командировке, значит, получил задание. Он вправе сменить прежние номера телефонов. Знаешь, он однажды сказал: новое задание – новая жизнь. Вместе мы прожили три жизни. И каждый раз мы менялись.

– Но не так, как нам хотелось. И я всегда спрашивала себя: почему? – И сейчас схожий вопрос вертелся на языке девушки. – Разве тебе сейчас не тревожно? Я через адъютанта попросила адмирала перезвонить мне, оставила номер телефона. Почему бы ему не снять трубку?

– Потому что мы больше не состоим на военной службе. Для него мы – люди чужие, лишние в работе. И личным отношениям пришел конец. Если хочешь, нить оборвалась в тот момент, когда Абрамов уехал из отеля. Это он связывал нас со штабом. Адмирал сдержал слово: мы выполнили задание, и нас перестали дергать за нитки. А между строк написано: и вы нас не дергайте. Наши пути разошлись раз и навсегда.

– Джеб, мне кажется, Саня попал в беду. – Девушка пристально взгляделась в Блинкова. – У тебя тоже большие неприятности. Я тебя не узнаю. Что стало с тобой? Посмотри на себя со стороны. Когда в последний раз ты надевал акваланг? Когда вставал за аквабайк? Чего ради ты заточил себя в этом офисе?

– Мы оба знаем ответ на этот вопрос, – повторил он за Лолитой.

Блинков автоматически поднял тяжесть, которую ташил на своих плечах капитан Абрамов. Пожалуй, тот волок на себе тройной груз: отвечал за безопасность отеля, фактически руководил им, курировал и координировал операции, порученные агентурно-боевой единице. Поначалу Блинкову казалось, он не справится с этой ношей, для него – новой, непривычной, тяжелой. У Абрамова просто не было времени понырять с аквалангом или погоняться на аквабайке. Участь у него оказалась незавидной, хотя со стороны казалось: он легко, непринужденно справляется со своими обязанностями. А Лолка для него была отдушиной. И вот ему в один прекрасный момент перекрыли кислород.

– У тебя остался конфиденциальный канал связи с адмиралом? – спросила Лолита, прикуривая сигарету.

Джеб кивнул. По этому каналу несколько раз уходили сообщения о сделках, совершенных предпринимателями в отеле.

– Передай адмиралу сообщение: «Получены важные сведения о клиентах отеля. Настаиваю на немедленной встрече с представителем разведки».

– Вряд ли стоит рассчитывать на ответ адмирала. Для него это сообщение – продолжение твоих настойчивых обращений. Если Абрамов действительно получил задание и в силу обстоятельств не может выйти на связь, – вслух рассуждал Джеб, – то адмирал должен был сделать одну простую вещь: связаться со мной и сказать, чтобы я его больше не доставал.

Такой грубый ответ удовлетворил бы Блинкова, сующего свой нос не в свои дела. Однако звонки и требования о личной встрече остались без ответа. Напрашивался вывод: разведуправление флота также осталось без связи с Абрамовым.

Тревога Лолиты передалась Джебу. Он старался не думать о том, как много сделал для них капитан. Они были обязаны ему многим: свободой, дружбой, мастерством разведчика, которым он делился со своими агентами. Но в другом ключе размышлять не мог.

Снова вопросы, снова ответы. Чтобы выйти на след капитана, нужно выяснить, какое задание он получил.

Вечером следующего дня гостиничный факс высунул свой белый гепатитный язык. Лолка пробежала текст глазами и со всех ног бросилась к Джебу. Послание адмирала было коротким, но, как показалось Блинкову, требовательным и обнадеживающим:

«Ближайшие три дня буду в рабочей командировке в Дубровнике, Хорватия. Кемпинг «Загора», строение один. Школьник».

7

Хорватия

Дубровник, один из древнейших городов Хорватии, насчитывает четырнадцать столетий. Славянские племена пришли сюда в VI веке и основали поселок, получивший название от окружающего местность дубового леса. Дубровник стал крупнейшим в восточной Адриатике городом-портом, центром судостроения, торговой столицей всего Средиземноморья. Он успешно конкурировал с Генуей и Венецией.

Кемпинг «Загора» находился севернее Дубровника, в зоне охотничьих угодий. Дорога из аэропорта вела вдоль изрезанного побережья Хорватии. За окном проносились пляжи, сотни островов, будто восставших из прозрачных, как горная река, вод. С другой стороны шоссе высились лесистые горные хребты.

Водитель такси свернул на боковую дорогу, утопающую в лесу. По договоренности с клиентом он остановил машину, не доехав до кемпинга полкилометра. Он хорошо говорил по-русски.

– Здесь одна дорога, не заблудишься.

– Охраны по пути нет?

– Только в кемпинге.

Кемпинг насчитывал шесть домиков. Он отстоял от моря на полтора километра, и такое месторасположение имело много плюсов. Воздух здесь был необычайно свежим. В нем чувствовались и близость моря, и зелень дубрав, взявших этот жилой комплекс в плотное кольцо.

Блинков напрямик направился к крайнему бревенчатому домику, заметив: «Меня встречают».

Навстречу ему шагнул парень лет двадцати семи.

– Здравствуйте. Вы к Виктору Николаевичу? Откуда вы прибыли?

Джеб кивнул, ответив на приветствие.

– Я приехал из Каталонии.

– Все верно. Шеф ждет вас, пойдемте со мной. – Он протянул руку и взял у Джеба дорожную сумку.

В широкой прихожей он остановил Блинкова вопросом:

– Разрешите?

Тот поднял руки и дал обыскать себя. Проворные руки офицера охраны пробежали по карманам джинсов и легкой ветровки.

– Все в порядке, проходите.

Домик был рассчитан на четыре человека, с двумя спальнями, кухней и просторной гостиной.

Адмирал Школьник восседал на желтом широком кресле, по размерам напоминающем небольшой диванчик. Он отрегулировал изголовье, полностью расслабившись. На столике стояла бутылка коньяка, пара фужеров. Над ним проливал голубоватый свет светильник в виде экзотической змеи.

Начальник управления был одет в рубашку, спортивные штаны и шлепанцы.

– Присаживайся, – он указал место напротив. – Бери стул и присаживайся.

Ни тот ни другой не приветствовали друг друга. Блинков посчитал, что первым поздороваться должен хозяин. Последнему, казалось, проще и надежнее было сразу же попрощаться. То читалось по хмурому лицу седовласого адмирала, который напомнил Блинкову снимок молодого Брежнева на отдыхе.

Стул оказался мягким креслом в светлом хлопчатобумажном чехле.

– Выпьешь? – предложил адмирал.

– Нет, – отказался Блинков, утопая в кресле.

– Можешь курить. – Школьник выдержал беглую паузу. – Я здорово рискую, встречаясь с тобой.

– Но не отказались от встречи.

– По старой дружбе, – невнятно пробормотал адмирал. – Так, как вы, никто не делает. Какого черта вы загрузили мои телефоны?! Я вам не делопут, у меня сотни причин отказать вам в любой просьбе и в произвольной форме.

Блинков молча слушал шефа флотской разведки. Скоро он выплеснет недовольство, сполоснет рот коньяком и приступит к делу.

Он видел Школьника разным. В основном задумчивым, посасывающим мундштук. Нередко на него накатывало игривое настроение, и он сыпал морскими прибаутками. Но никогда еще адмирал, проработавший в разведке флота два десятка лет, не выказывал раздражения. Казалось, его не способна вывести из себя единственная муха в спальне.

– Родителям Абрамова мы сказали, что его восстановили в должности, – продолжил Школьник. – Но это не совсем так. Подразделение управления и отдельный кабинет для Абрамова – это навсегда ушедший спальный вагон. Он не мог не знать об этом, когда писал рапорт.

– Почему?

– Все потому же, – огрызнулся Школьник. – Я получил заявление от собственника, от совладельца испанского отеля, «владельца заводов, газет, пароходов». Мистер Твистер, а не бездомный офицер... – Он мрачно усмехнулся: – Нет зрелища печальнее на свете, чем флотский лейтенант, жена и дети.

Дело пошло на лад, спокойно заметил Блинков: адмирала потянуло на классику.

– Я сейчас не хочу говорить о том, что лично одобрил идею Абрамова подвести вашу агентурную группу под гостиничную крышу.

– Вы говорите о тлетворном влиянии Запада, – быстро нашелся Блинков.

Адмирал с минуту не сводил с него своих серых глаз.

– Ишь ты какой, – холодно сощурился он. – Ладно, пусть будет так.

Школьник был открыт в своем недовольстве, в своем паршивом настроении, и Джеб легко читал его мысли. Адмирал перенес недовольство, вызванное срывом в работе, на личные качества капитана Абрамова, на его личную жизнь, которую он однажды круто развернул. Такое поведение не к лицу Школьнику, вдумчиво отметил Блинков. Много в нем от брюзги. Кажется, он разучился проигрывать или, по крайней мере, достойно встречать неудачи.

– Выпей, – настоял адмирал, плеснув в бокал коньяка. – Сейчас ты услышишь то, что тебе вряд ли придется по душе. Абрамов получил... Как бы это помягче сказать?.. – Школьник в нетерпении пощелкал пальцами. – Он стал куратором новой агентурно-боевой единицы. Я не хочу сравнивать вашу группу с новой ни по составу, ни по качеству.

С этого мгновения Блинков слушал адмирала невнимательно. В его груди закипала ревность. Он не мог охватить картину в целом, лишь короткие и яркие, как молнии, образы и мысли впивались в грудь и голову. Если бы Саня Абрамов просто ушел из их жизни... Но он ушел к чужим людям, оставив своих. У него за плечами двенадцать месяцев дружбы, три боевые операции. В его багаже сложные, но вполне человеческие отношения с боевой командой Блинкова. В его багаже не хаос, там все аккуратно уложено и объяснимо. Вот ревность и любовь, вот дружба и преданность, вера и надежда. Они настолько сроднились, что разрыв казался невозможным.

Теперь капитан налаживает контакты с чужими людьми. Говорит им те слова, что слышала команда Джеба. И на душе «котика» вдруг стало пусто. Словно ему залезли в карман.

Блинков подавил вопрос: «Зачем вы это сделали, Виктор Николаевич?» Горько, обидно, оскорбительно.

Он сделал попытку встать и уйти. Добраться до придорожного коноба и хватить полный стакан водки.

«Может быть, по этой причине Абрамов не выходит на связь?» – подумал Джеб. Но тут же отгнул эту версию. При чем тут его родители? Абрамов не мог обидеться на весь мир. Джеб покачал головой, понимая, что обида взяла за горло его самого, а он исподволь и незаслуженно наделил его капитана.

И еще одно сравнение: Джеб также разучился отвечать на уколы судьбы.

Оказалось, адмирал внимательно изучал собеседника. Приметил то, как он одним глотком выпил коньяк, нервно прикурил сигарету, гонял желваки.

– Да, да, – медленно покивал он, – я все вижу. Перейдем к делу.

– Стоит ли? – не удержался от колкости Блинков.

– Послушай, что я скажу, – досадливо нахмурился адмирал. – Судя по всему, новая агентурная группа Абрамова погибла в полном составе. И сам капитан не выходит на связь вот уже три недели.

Блинков ожидал чего угодно, только не такого продолжения. Он потянулся к бутылке и налил себе коньяка.

– Я расскажу тебе о бойцах этой группы, – продолжил адмирал. – Это хорошо подготовленная команда, аналог твоей единицы. Выходцы из спецподразделений.

– Какое задание они получили?

Было заметно, что Школьнику не хочется отвечать на этот вопрос. Тем не менее борьбы на его подвижном лице также не наблюдалось. Он давно решил этот вопрос, разве что забыл погасить свое недовольство. Скорее всего у него нет другого выхода, подумал Блинков. Либо он нашел лазейку в его «аналоговой» группе. С этой стороны помощь «котика» могла оказаться полезной. Схожие боевые группы действуют примерно одинаково. Его личный опыт позволил бы нарисовать общую картину и отдельные моменты в конкретной работе новых подопечных Абрамова. Да и капитана Блинков знал лучше, чем адмирал.

– Начну с того, что задание они получили три месяца назад и все это время тщательно готовились к операции. На этом этапе сменилось два куратора. Конечно, я подумывал о кандидатуре Абрамова.

– Значит, его отъезд из отеля не был спонтанным?

– Если честно, это я подогрел ситуацию. Я звонил Абрамову за неделю до того, как он написал заявление с просьбой восстановить его в прежней должности. Я в курсе вашего любовного треугольника и взял это на вооружение.

«Да, ты мастак по части нагрева», – скрипнул зубами Блинков. Абрамов тихо переживал драму, и вот под него подвели горелку, и он натурально закипел. Его пару дали неожиданный выход, и то, о чем он думал с грустью, выперло из него неукротимым паровозным свистком. В разведке это умеют делать.

Вот, оказывается, в чем дело, не мог успокоиться Блинков. Все мысли капитана перед его отъездом были искусственными. Он находился под гипнозом разведуправления, но сумел вырваться из плена неистовых иллюзий, набросав на листке бумаги прямо, от чистого сердца: «Парни, я не такой, как о себе думаю». Это откровение никак, никак не дешифровалось теми, кому оно было адресовано. В противном случае Джеб, Лолка, Весельчак сумели бы отговорить капитана от этого шага.

– Может, капитан жив, – несмело произнес Блинков, похоронив в душе резкий тон. Он в упор посмотрел на адмирала и четко сказал: – Я должен знать все об этой операции. Не молчите, Виктор Николаевич, не упустите шанс исправить ваше незавидное положение. Чтобы всем было хорошо, достаточно нагнуть одного. Вот так вы использовали Абрамова.

– А ну-ка сбрось обороты! – прикрикнул адмирал. Но Блинкова было не остановить.

– Вы многого недоговариваете. Вы не могли послать на задание действующего офицера разведки. Вы не приняли рапорт капитана. Он знал, что вы его кинете, если он, совладелец испанского отеля, провалит операцию. Вы его использовали, зная, что он с головой окунется в новую работу. У него не было другого выхода. Он искал отдушину и нашел ее. Если бы вы заметили его колебания, погасили бы их его рапортом: «Отказываешься? Тогда за каким хреном ты марал бумагу и отвлекал нас от дел?» У вас, Виктор Николаевич, был беспроектный вариант.

Беседа с адмиралом с каждым словом набирала обороты, резко переходила в другое качество. Сейчас от Блинкова требовалась память, ничего, кроме хорошей памяти. Он слушал адмирала, сыпавшего оперативными данными. Порой он замечал на его морщинистом лице резкие мазки недоверия. Он открывался перед собеседником и не был уверен в том, что его выкладки пойдут на пользу. Едва Джеб разглядит объем работы, он отступит.

Тем не менее адмирал посчитал себя обязанным посвятить Блинкова в детали операции, заодно снять с себя груз как за провал операции, так и за людей. Если проще, он дал себе выговориться. И, конечно же, поймет молчание Блинкова, которое, зарождаясь на его глазах, канет в вечность.

Он, предвидя будущее, рассмотрел Блинкова в кругу боевых товарищей. Проходит час, другой, один день, третий. Они качают головой: «Нет». Они благоразумно отказываются от рискованного мероприятия, обретаясь в роскоши отеля, в шуме волн Балеарского моря. Они находят довод во времени: три недели. Почти месяц не дает знать о себе капитан Абрамов: «Бесполезно». Жирную черту под этим обреченным словом подводила гибель его новой агентурной группы.

Было далеко за полночь, когда Блинков встал, прощаясь с адмиралом.

– Не хочешь остаться до утра? Есть свободная спальня.

– Нет, – отказался Джеб.

– Погоди, Женя. Ты что-то решил для себя?

– По мне, товарищ адмирал, легче влипнуть в самую говенную историю, чем не уважать самого себя.

– Хорошо. Принято как ответ. Ты на первых порах столкнешься с одной трудностью. Виза в эту африканскую страну оформляется десять дней. В столице Катваны, Сансберге, есть православный храм. Визы агентам Абрамова мы делали через эту миссию.

– Они не против жертвований, – без труда угадал Блинков.

– Да. И уложились в три дня. – Адмирал вынул из кармашка рубахи листок бумаги и протянул Блинкову. – Это их контактные телефоны. Я не настаиваю, решать тебе. Миссия – первый шаг к поисковой операции. Работая в агентурно-боевом ключе, ты через миссию привлечешь к себе внимание. Что касается оружия... Я там записал адрес сайта. Сервер находится в Претории. Надежная фирма. Сроки поставок колеблются от трех до десяти дней. Можешь смело работать по этому адресу. И еще раз об оружии. За эти три недели мы предположительно установили, кто продал Абрамову два «калашниковых». В соседнем Браззавиле под эгидой ООН дислоцируется наша вертолетная группа. Экипажи выполняют и разведфункции. Полеты ограничены строгими рамками, машины не могут приблизиться ни к столице Катваны, ни к району, который нас интересует. Руководитель группы подтвердил наши выводы. Скорее всего с Абрамовым контактировал командующий округом Виллерой майор Натал Бабангида. Пусть тебя не смущает его громкая должность. По российским меркам он военный комиссар областного центра.

– Натал Бабангида. Да, я запомнил.

Адмирал подошел к встроенному шкафу, достал из сумки спутниковый телефон с массивным адаптером.

– Возьми. Такой был и у капитана. Я не спросил, как идут дела в отеле?

– В очень дорогом отеле, – не преминул дополнить Блинков. – Однажды я стал свидетелем короткого разговора в холле. Парень и девушка. Им понравилась наша гостиница. Парень сказал: «У них свой дайв-клуб, снаряжения для аквалангистов». Девушка ответила: «Я боюсь погружаться с аквалангом». – «А если бы не боялась, знаешь, какие у них цены?..» Мне обрыдла такая жизнь. Я каждый день гляжу на сытые рожи бизнесменов. Они все на одно лицо. Единственная особая примета – они очень богаты. Мы решили продать этот отель и купить другой, где нашими клиентами будут нормальные люди. Купить его без оглядки на интересы нашей разведки. Идите вы к черту!..

Блинков круто развернулся и вышел из домика, подставляя лицо свежему ветру и легкому морозящему дождю.

8

Испания

Конец октября. Курортный сезон медленно, но неумолимо подходил к закату. Кому-то нравится именно межсезонье: тихие прогулки по побережью, созерцание холодеющего моря, плещущегося под ласковым солнцем.

– Где Весельчак? – спросил Джеб, собрав команду в своем кабинете.

Владимир Веселовский был автором идеи легализовать преступные деньги через курортный бизнес. Отель «Берег мечты», ставший для агентов флотской разведки крышей, он считал своим творением. Его строгая гордость была оправдана его беспечностью и распутством.

– Они изволят трахаться с дамой из одиннадцатого номера, – во множественном числе ответил Николай Кокарев. – Накануне у него была ночь волшебного секса, а до ночи его застучали с другой клиенткой отеля. Я тут подумал: может, он страдает избытком мужского гормона?.. Еще я заметил, что у нашего большого жизнелюба не было ни одной дуры. Все телки – мудрые и хитроумные. Но ни одна так и не сумела подцепить его на крючок.

– Хорош прикалываться, Кок! Позови Весельчака.

У Николая были ослепительно белые зубы. Они в сочетании с его каштановыми кудрями, загорелой кожей и черными очками действительно слепили. Морской диверсант своей болтовней разряжал тревожное настроение, охватившее команду. Только далеко не всем было по душе его словоблудие.

– Он придет не раньше, чем наш повар испечет коржи для торта, – продолжил он, пожимая крутыми плечами. – Завтра у меня день рождения, не забыли? Четверть века, е-мое! Завтра к нам будут ломиться люди в черном: «Полицию вызывали?»

– Кок, у тебя есть комплексы? – со злостью сощурился Блинков. – Хотя бы раз в жизни ты молча опустил глаза? Хотя бы раз ты попал в неловкую ситуацию? Хотя бы раз ты вышел из нее, не говоря ни слова?

– Конечно. В детстве я чувствовал себя униженно, выклянчивая деньги у родителей. Потом стал воровать деньги из маминого кошелька, – уверенно врал он. – Ни за что не догадаетесь, что было дальше. Я предложил родителям договориться по-хорошему. Они сами выдают мне деньги, а я завязываю с воровством.

– Ты на деревенского дурачка похож.

– С этим не поспоришь.

Николай вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. Прислонившись к стене, он беззвучно рассмеялся. Пару месяцев назад он сбрил бороду, теперь начал отращивать снова. Пока она была короткой, и он не мог заплетать ее, как раньше, в две косички на манер капитана Воробья из «Пиратов Карибского моря».

Он поднялся на второй этаж, снял с ручки двери табличку «Не беспокоить» и вошел.

Новая пассия Веселовского – стройная брюнетка лет тридцати – также не ощущала в себе комплексов. На ней было роскошное кружевное белье бежевого цвета. Она лежала на боку, повернув голову к любовнику. Весельчак ласкал рукой ее грудь, спустив с ее плеч бретельки бюстгалтера, и отвечал на затяжной поцелуй. Его длинные светлые волосы переплелись с черными прядками секс-бомбы, а загорелые тела слились воедино.

«Ловелас, или бабник обыкновенный», – вывел новый тип Кокарев, глядя на возбужденную парочку. Он прошел мимо них и занял место за журнальным столиком. Налил вина и сделал пару глотков.

Николай впервые ощутил себя пустым местом. Не прекратились ни сладострастные стоны подруги, заставившие шевельнуться тело Кока, ни кошачьи телодвижения Веселовского. Они подошли к кульминационному моменту по-спортивному. Весельчак, набегаая на финиш,

словно передал женщине эстафетную палочку. А та, не меняя позы нетерпеливого ожидания, неожиданно передумала бежать и улетела, сильно и протяжно застонав. Ловя горячее дыхание друг друга, они чувственно подрагивали.

«Да, это тебе не деньги из кошелька тырить», – подумал Кок, наливая себе еще вина.

Обладательница сексуального белья оказалась собственницей не менее обольстительного халата. Она накинула его на плечи и прошла мимо Кока в ванную, обдав его приторным запахом французских духов и основой очень дорогого крема от ранних морщин.

Николай глянул на товарища:

– Вован, у тебя такой вид, будто ты хочешь одеться.

Весельчак натянул потертые джинсы прямо на голое тело, застегнул рубашку, шагнул к двери и мотнул головой: «Ну что, пошли?»

– Руки не вымоешь? – спросил Кок.

Джеб нетерпеливо подждал товарищей. Он вернулся в отель с такими чувствами и настроением, словно отсутствовал месяц. И пока его не было, сменилось время года. Вместо жаркого и засушливого лета его встретила унылая осень, раскинувшая над побережьем дырявый зонт.

– Привет, Джеб! – поздоровался Весельчак. – Давно приехал?

– Только что. Присаживайся.

Они обменялись рукопожатиями.

– Джеб, – Николай виновато глянул на товарища, – я не успел предупредить тебя... Да ладно.

Блинков пересказал начало беседы с адмиралом.

– Парни, если мы решим искать Абрамова, у нас не будет поддержки сверху. У нас не будет ни технической, ни материальной базы. Нам никто не предоставит эвакуационный коридор. И еще одно: мы свернем все работы, едва будут получены сведения, подтверждающие гибель Абрамова. Наша операция будет носить лотерейный характер. Нам, чтобы найти капитана, придется повторить его маршрут. Что скажешь, Кок? Тебя это не пугает?

– Когда-то у меня вообще ничего не было.

– Чижик, Тимур?

Раскосый Тимур Музаев ответил за двоих, подняв большой палец: «Все нормально».

– Весельчак?

– Ему-то что терять? – встрял Кокарев. – У него даже трусов нет. Скажи, Джеб, по каким правилам работали парни Абрамова?

– Они тебе хорошо знакомы: пошатнетесь – мы вас подтолкнем. Упадете – мы на вас плюнем.

– Они работали за границей?

– Такой же вопрос я адресовал адмиралу. Он ответил вопросом на вопрос: «Что ты знаешь о рицине?»

– Растительный яд, – быстро покивал Кок. – Эту тему нам давали в спецшколе.

– Одна капля чистого рицина убивает двести человек. В задачу группы Абрамова входил сбор сведений о химической лаборатории, изготавливающей рицин. Предположительно она заняла здание бывшей тюрьмы, запрятанной в джунглях. Возможно, ее переоборудовали, поставили новую дизельную станцию, оснастили системами охраны. Оперативные данные говорили о том, что заказ на партию рицина поступил от частных лиц. Образно говоря, на самолет рицин можно пронести, закапав его в глаза. Адмирал сказал, что, по сути, это новый вид террористической угрозы. Пояса шахидов и заминированные автомобили уходят в прошлое.

– Кому принадлежит лаборатория?

– Она спрятана в частном парке. Права на него принадлежат группе американцев. Скорее всего подставные лица. В сотне километров от парка дислоцируется специальная тактическая

группа морской пехоты США. Весь прибрежный район с лагунами, косами и озерами отдан под военную базу. Она граничит с заповедником дичи.

– Почему в штабе решили, что владельцы парка подставные лица?

– Все дело в ценах. В парке два вшивых отеля и заброшенный кемпинг. Стоимость номера пятьсот долларов. В сутки. Обзорные походы по парку – семьсот. Либо ты выкладываешь полштуки и торчишь в грязном номере, либо добиваешь до тысячи двухсот баксов, чтобы попасть рядом с зебрами и носорогами. Туристы обходят этот парк стороной. Неплохой вид охраны.

– Лаборатория нигде не зарегистрирована?

Джеб пересказал оперативные выкладки начальника разведуправления. Несколько лет назад журналисты, работающие на демократическую партию США, проследили адреса, на которые поставлялись ядовитые змеи и растительное сырье из стран Африки и Восточной Азии. Адреса совпадали с реквизитами частной исследовательской лаборатории в Лэнгли, которая регулярно получала от оборонного предприятия «Экьюреси Си» основные компоненты гранат с предохранительной чекой и отлетающим рычагом запала, пусковые патроны. Официально в составе «начинок» значилось пылеобразное активное вещество «Си-Эс», а одноразовые системы проходили как «гранаты раздражающего действия для борьбы с беспорядками» и подпадали под категорию средств для борьбы с терроризмом. Что не вязалось с ядами змей – основным родом исследований лаборатории. Со ссылкой на предприятие «Динамит Нобель» (Тромсдорф, Германия), производителя схожих пусковых систем, выступившего в качестве независимого эксперта, следовало: никаких «ядов змей» в составе установок нет, лишь органические вещества нервно-паралитического действия. Лабораторию закрыли, сохранив оборудование и частично – сотрудников. Спустя полтора года ее перевели в Катвану. Возобновилось производство гранат. Одна граната с рицином мгновенно убивала от одной до двух сотен человек. Наряду с фосфорорганическими отравляющими веществами они применялись в ходе войны в Афганистане и Ираке.

Джеб ответил на вопрос Николая:

– Юридический адрес серпентария был в какой-то деревне. В лаборатории и сейчас изготавливаются препараты, содержащие яд африканской зеленой мамбы.

– Напомни, Джеб, где водятся эти зеленые гадины, – усмехнулся Веселовский.

Кок оглядел товарищей:

– Не говори так громко, Весельчак. Есть опасность, что кто-то из этих хрупких существ может скончаться. Короче, следующая остановка – «Парк юрского периода».

9

Вашингтон

Кондиционер в номере мотеля, утопающего в ельнике, был отключен. Свежий воздух, пропитанный хвоей, проникал через приоткрытое окно. В двухстах метрах проходила трасса, но шум машин казался естественным фоном. Он не раздражал слух, а порой расковывал. Он был малой толикой напряженного гула столичных улиц, и без него этот тихий уголок показался бы мертвым.

Мишель наслаждалась уютом этого приветливого местечка, вызвавшего в душе странные образы. Вот сейчас, когда порыв ветра распахнул окно настежь и парусом поднял невесомый тюль, она могла сказать, что хотела провести это утро именно здесь – на границе настоящей природы и наступающей на нее промышленной зоны Вашингтона. Это было похоже на техно-вальс, прозвучавший на выпускном балу.

Девушка встала с кровати, но женщина лет сорока властным движением удержала ее за руку. Мишель высвободилась из ее хватки, опуская запястье и сжимая свой кулак. Самый простой прием джиу-джитсу безболезненно разжал пальцы Эшби Тейлор, и она отпустила руку любовницы.

– Не уезжай, – попросила она, понимая, однако, что требует невозможного. – Ты можешь не успеть к третьему ноября. Почему бы тебе не отдать досье сегодня?

– После моей командировки в Африку папка значительно подорожает, – ответила Мишель. – Кстати, Эш, мне нужны деньги. Тысяч пятьдесят. Ты же знаешь мой стиль: деньги вперед; и я работаю без напарника.

– Да, ты права. «Матрица» станет главным камнем в короне компромата. Потом мы с тобой поедem в Париж.

– Ты поедешь в Париж без меня, – улыбнулась Мишель.

– Почему?

– Не знаю, что надеть.

Сейчас Мишель Гловер стояла перед любовницей голая. У нее классная фигура, в очередной раз отметила Эшби. Она тонка, но не костлява. Даже когда она в атласной сорочке, видно, что ее соски стыдливо смотрят в стороны. Удивительно, что ее груди сохранили эту невинную форму. Тейлор всегда прикасалась к ним нежно, с любовью, как к новогодним игрушкам, которые распаковывают лишь раз в году, ласкала их губами и языком, обжигала их трепетным дыханием.

– Эш, – девушка взяла паузу, набрасывая на плечи халат, – хочу тебе напомнить условия нашего договора.

– Я помню его, дорогая. – Тейлор откинула волосы и села в кровати. Поправив пояс и сбившиеся чулки, она на миг продемонстрировала «дельту Венеры» и заманчивый участок все еще возбужденного тела. – К чему повторяться? Я оплачиваю твою работу, покупаю у тебя досье, и мы расходимся в разные стороны.

– Навсегда, – уточнила Мишель, уловив намек вернуться в объятия подруги. – Бесплезно меня искать. Может, я найду что надеть и мотну в Париж. Буду наблюдать, как искусство подражает моде, а мода подражает жизни.

– Жаль, – протянула Тейлор, зацепившись за последнее слово партнерши, – ты лучшая женщина в моей жизни.

Мишель не смогла скрыть усмешки.

– И этой радостью ты поделилась со своим мужем.

– Это просто секс, – Эшби наивно округлила глаза. – Он разбирается в таких вещах. Никаких чувств, а значит, никаких измен. Тем более с однополым партнером. Думаю, его это

возбуждает. И сама я завожусь. Я пожалею о твоём теле, глазах... Ты будешь вспоминать обо мне хоть изредка?

– Изредка.

– Ты жестокая.

– Мы обе страдаем этим недугом. Потому что мы женщины. Где ты хранишь доклад «адвокатов»?

– Зачем он тебе? И разве у тебя нет копии?

– Хочу еще раз перечитать его в оригинале. Думаю, чтение документов настроит меня на очередное задание. Кстати, для встречи ты выбрала отличный мотель. Спасибо. – Мишель обняла подругу и поцеловала ее. – Мне было хорошо с тобой.

Девушка прошла в ванную и первым делом осмотрела в зеркале свою шею. «Так и знала!» – ее голубые глаза подернула свинцовая дымка. Эшби снова оставила кровоподтек на ее нежной коже. Засосы – это ее визитная карточка. Как девочка-подросток, ей-богу, не сдержала раздражения Мишель.

В остальном она неплохой партнер. Может, она чуточку самонадеянна. Мишель никогда не приходило в голову выяснить это до конца. В постели Эш была первым номером, Мишель ей подчинялась, не играя никакой роли. Она была опытна, даже мудра в сексе, что обоих выносило на высокую волну удовольствия.

Сейчас она войдет в ванную. Она всегда так делала. Станет в дверях и будет смотреть, как Мишель принимает душ, касаясь рукой интимных мест. Девушке казалось, Эшби впитывала в себя остатки запаха ее возбужденного тела, на котором сверху остался ее запах. Все это канет с водой в сток, и она выйдет из ванной, пройдя ритуал очищения. Что-то в этом роде можно было прочесть во взгляде Тейлор.

Да, она права, никаких чувств. Все живое основано в первую очередь на инстинктах.

И все же Эшби, стоя в проеме двери, не смогла подавить вздох.

Лишь когда они оденутся и сядут за стол, выпьют по бокалу вина, одна сторона их деловых отношений потеснит интимную сторону, скреплявшую их деловой союз.

– Ты практичный человек! – рассмеялась Мишель, принимая от Тейлор прозрачную папку-файл. Они сидели за столом и делали вид, что обедают. Мишель поковыряла вилкой овощной салат. Эшби, обмакнув кусочек хлеба в острый соус, запила его глотком мадеры.

– Конечно, – ответила она, ничуть не смутившись. Сняв салфетку, она бросила ее на край стола. – Я знала, что ты захочешь перечитать творение «адвокатов».

– В оригинале.

– Именно, – улыбнулась Тейлор. – Поэтому прихватила его с собой.

– Послушай, – Мишель отложила документы в сторону, – ты не пожалеешь о деньгах? Речь идет о большой сумме. Тебе проще придушить меня. Я быстро сломаюсь...

– В моем арсенале другие приемы. Я привыкла платить за то, что представляет для меня интерес. Ты мне интересна, и я купила тебя. Что, нет? – в этот раз в ее улыбке просквозило что-то от хищного зверя. – К тому же расплачиваться за досье будут восемьдесят человек. Каждый из них готов внести в общую кассу небольшую в общем-то сумму. Если я привлеку на свою сторону еще одного депутата, то не выложу из кармана ни цента. Хотя пожалею, что в общей сумме, которую ты получишь, не будет моих денег.

– Сегодня ты что-то часто жалеешь себя.

– Думаю, расставание дает знать о себе. Не могу представить, что это наша с тобой последняя встреча.

– Просто не думай об этом. Твой источник в ЦРУ сказал, что военная база 13-19 в некоторых документах именуется как «Кэмп Мэйтрикс», так?

– Видимо, произошла ошибка. Либо допущена опечатка в документах, – Эшби изобразила неопределенный жест рукой. Она входила в большинство депутатов, которые согласились

на ноябрьской сессии проголосовать за принятие решения о расследовании факта существования нелегальной сети тайных тюрем ЦРУ. Ключевые материалы по этому делу находились у Мишель, с их помощью депутаты рассчитывали минимум на восемьдесят голосов за, тогда как против наберется один десяток.

– Все как обычно, – продолжила Тейлор, – на военной базе дислоцируется тюремный изолятор. В нашем случае он называется «Матрица». Весь комплекс был заложен три года назад. Строительство велось медленными темпами, чтобы сохранить секретность. Стройматериалы выписывались на подставную фирму. Но это уже кое-что. Мы знаем название базы и дислокацию изолятора. Нам важно получить снимки, подтверждающие, что на базе функционирует тюрьма. Пять-шесть снимков узников на фоне военной базы – этого будет достаточно. Уверена, ты справишься.

– Как всегда, – чуть самонадеянно ответила Мишель. Она прикурила сигарету от зажигалки подруги и углубилась в чтение. Боковым зрением она видела Тейлор, и в какой-то миг ей показалось, что она вяжет на спицах, склонив голову к рукоделию.

Этот доклад Эшби Тейлор окрестила собачьим лаем при стабильном ветре. Правозащитная организация «Комитет адвокатов за гражданские права», не обременяя себя фактами, опубликовала два года назад доклад о тайных лагерях ЦРУ. Эшби Тейлор входила в десятку законодателей, кто остановил на докладе «адвокатов» свой пристальный взгляд. В то время Мишель Гловер начала работать по этой проблеме, и ей стало легче, когда она получила на руки список, озаглавленный как «Дислокация секретных тюрем, лагерей и пунктов временного содержания ЦРУ».

Одна графа в ее списке – «подчинение» – не менялась, так как все тюрьмы были подчинены американской разведке. Раздел «район расположения» пестрел разными названиями бригад и дивизий. Количество стран, разместивших у себя изоляторы, равнялось десяти. Особо внимания заслуживал раздел «факт существования». Действующих тюрем в нем насчитывалось тринадцать, они были обозначены соответствующей записью – «действует». Пятнадцать лагерей в списке «адвокатов» значились как «предположительно действующие». Мишель успешно сокращала их до более короткого «действует». Неустановленным оставался лишь один лагерь, названный «Матрицей».

Она читала, и порой смысл ускользал от нее. Она между строк видела себя – в камуфляже, с фотокамерой, на подступах к режимному объекту, в реальной боевой обстановке. Она привыкла к таким операциям и часто сравнивала себя с агентом разведки. Что отчасти было справедливо. Эшби Тейлор – депутат верхней палаты американского конгресса, а ее команда – не что иное, как мощное подразделение. Совсем скоро минимум восемьдесят таких подразделений объединятся, чтобы скатиться с Капитолийского холма, совершить полуторакилометровый марш-бросок и ударить тараном в двери Белого дома.

Такой образ устраивал Мишель Гловер. В глубине души ей хотелось увидеть настоящую боевую атаку. Однако штурм, как всегда, будет информационный, тщательно выверенный. Он готовился без малого три года, и проиграть было бы непростительно.

За свои неполные двадцать восемь лет Мишель ни разу не сталкивалась с предательством. Она всегда работала без поддержки. Она нанимала бывших бойцов спецназа, проводников и всегда щедро расплачивалась с ними. Она оставалась одиночкой и в качестве независимого журналиста, а наемники просто работали на нее. Ни разу она не наняла одного человека дважды.

Она сама редактировала свои материалы и всякий раз материлась, когда газетчики сокращали текст. Единственное, чего не касались редакторские ножницы, – это снимки Мишель Гловер. Фотоаппаратом она владела виртуозно. И снова собиралась доказать это. А потом...

Ей придется уехать из Штатов и осесть в какой-нибудь восточной стране. К тому времени она будет богата. Она значительно пополнит свой банковский счет, когда на основе собранных

ею материалов напишет книгу и получит баснословный гонорар. Это будет бомба, и она успеет ее взорвать. Запал адской машинки уже тлеет, стоит только подуть на него, и шустрый огонек побежит к мощному заряду.

– Ты сказала, тебе нужно пятьдесят тысяч, – вывел ее из раздумий голос Тейлор.

– Да, выпиши чек. Часть денег я обналичу. Африка, сама понимаешь. Туда десятка, сюда полтинник. Еще мне нужно оружие – хотя бы приличный нож.

– В Африке у тебя с этим проблем не возникнет.

* * *

Вечером Мишель навестила подругу. Она жила в пригороде Вашингтона. Вот где действительно шумно, подметила журналистка. Окна квартиры выходили на кольцевую дорогу, взявшую столицу за горло.

– Джил, ты все помнишь? – спросила Гловер, принимая от подруги стакан с виски. Пожалуй, тридцатидвухлетняя незамужняя Джил Мортон была единственным человеком, которой могла доверять Мишель. Их связывали восемь лет дружбы, но дело в другом: просто в этом сложном деле она не могла остаться без поддержки, и выбор автоматически пал на подругу.

– Да, – ответила хозяйка, одетая в домашний халат. – Не волнуйся, я все сделаю так, как мы договаривались.

– И ты сможешь найти кое-что получше этого отхожего места. Я удивляюсь тебе, ты всю жизнь ютишься на двадцати метрах. В паре кварталов отсюда следственный изолятор...

– Его ты не снимала на камеру?

Мишель задорно рассмеялась.

10

Испания

Блинков уступил место за компьютером Весельчаку. Тот во всемирной паутине чувствовал себя пауком. Он вышел на сайт с титульной страничкой «Средства для борьбы с терроризмом. Средства для охраны предприятий. Практические пособия для коммерческих служб безопасности» и кликнул кнопку «Дальше». Уперся в условия посещения и покупки спецсредств – обязательное наличие лицензии на охранную деятельность и счет в банке. Эта страница перерачивалась без каких-либо подтверждений.

Веселовский впервые посещал этот сайт, где заказы принимались от государственных и частных организаций. Однако ничего нового не увидел: в Интернете десятки подобных магазинов. Система покупки оружия и специальных средств представляла собой справочник, где можно было ознакомиться с видами оружия, начиная с амуниции и заканчивая устройствами исследования багажа.

Он остановился на боевом оружии.

– Кого снарядим первым?

– Начнем с Чижика, – ответил Блинков. Он подозвал Михаила Чижова. – Подбери себе снайперскую винтовку. Выбирай лучшую.

– Я бы выбрал норвежскую. Вижу, есть «Эн-эм-149-Эс». Щелкни-ка по ней.

Время отклика у Весельчака было потрясающим. Чижов не успел договорить, а он уже открыл вкладку. Тут же включилась страничка с изображением снайперской винтовки, и приятный женский голос называл на английском ее тактико-технические характеристики:

«Винтовка имеет механический прицел и шину для крепления оптических прицелов. Основной оптикой является «Шмидт и Бендер», а также ночной прицел «Симрад». Винтовка оснащена глушителем, устойчива к загрязнению. Вес – пять килограммов. Патрон – 7,62 миллиметра. Магазин на пять патронов».

– Хорошее, не очень тяжелое, но мощное оружие, – многозначительно покивал Чижик.

– Откладываю?

– Ты еще спрашиваешь! Плюс пять магазинов.

– О'кей. – Веселовский нажал на кнопку «Отложить» и вернулся к предыдущему меню. – «Калаша» берем?

– Да, – кивнул Джеб. – Серии 100 с подствольными гранатометами. В ней два калибра. Отметь 7,62. Пять штук.

– Есть. Пистолеты?

– Возьмем «хеклеры». По паре на брата.

– Послушаем, что телка скажет? Голос у нее приятный, правда с акцентом.

– С молдавским, – отозвался Кок. – Как-то я познакомился с молдаванкой. Договорились в кино сходить. Она, пока ждала меня в подъезде, успела его отремонтировать.

– Ну и придурок! – рассмеялся Веселовский. Он нажал на вкладку и услышал характеристики: «Пистолет фирмы «Хеклер-Кох» «Эм-ка-23» разработан для командования сил специальных операций США. Ствол удлиненный, имеет резьбу для установки глушителя. На полимерной рамке выполнены направляющие для установки фонаря или лазерного целеуказателя. Емкость магазина 12 патронов».

Весельчак отметил десять единиц этого оружия.

Вкладка «Бухгалтерия» представляла собой электронную таблицу. Цены на оружие варьировались в зависимости от количества, сроков поставок и с учетом курса мировых валют.

– Джеб, наша православная миссия не подведет? – спросил Веселовский.

– Я перечислил на их счет сто тысяч баксов. Им нет резона отказываться от такой суммы. Сдадим документы в посольство и получим визы. Канал-то проверенный.

– Ого! – присвистнул Весельчак, глядя на электронную таблицу. – Снайперская винтовка обойдется нам в пятнадцать тысяч баксов. Это с учетом поставки в десять дней. А нам нужно, чтобы оружие пришло через три дня. Получается... – он обновил данные с правкой на три дня. – Получается двадцать две.

– Считай дальше.

– «Калаши». Каждый в десятку вылезает. Пистолеты еще дороже.

– Они стоят этого, – улыбнулся Блинков. Он хлопнул товарища по плечу и встал с места. – Заказывай ножи, рации, амуницию коммандос и расплачивайся, Володя. Адрес доставки – православная миссия в Сансберге.

– Затерянная в африканских джунглях, – вздохнул Николай. – «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу».

Глава 3

Ошибка Мишель Гловер

11

Западная Африка

Семь вечера. Священник смотрел телевизор. Спутниковая антенна, установленная на деньги прихожан, транслировала пятьдесят каналов. Из них добрая треть дублировалась на разных языках. Отец Леонард во второй раз смотрел передачу о гибели монгольского флота у берегов Японии. Порабощенные монголами хитрые китайцы вместо морских судов построили речные, и сто сорок тысяч воинов нашли покой в морской пучине.

Он служил в этой стране с 1995 года. Приехал на Черный континент в канун военного переворота, когда засияла на небосклоне мутноватая звезда военного диктатора Солвезы. Генерал был образован. А святой отец знал примеры, когда неграмотные диктаторы-людоеды удерживались у власти годами. У руля Центрально-Африканской Республики тринадцать лет стоял сержант Бокасса. Провозгласив себя маршалом и императором, он съедал некоторых своих подданных, потому что был каннибалом. Диктатор Дада восемь лет держал в страхе Уганду, истребив около миллиона жителей. Садист и людоед, он успешно работал на два фронта: прикидываясь марксистом, получал безвозмездно оружие от СССР; притворяясь демократом, черпал деньги из бюджетов стран Запада; не скрывая своих гастрономических пристрастий, он стал председателем Организации африканского единства.

В этой стране больше двадцати лет правил такой же антропофаг. Катвана не вылезала из боестолкновений с вооруженными повстанцами. Когда священник впервые приехал в Катвану, он спросил предшественника, спешно собирающегося в дорогу: «Откуда у зулусов танки?!» – «Из Америки, брат мой, – ответил тот. И дал дельный совет: – С темнотой на улицу не выходите – съедят. Недалеко от столицы поселение немцев было. И что вы думаете?..»

Первый год новый глава православной миссии жил в страхе, ел только постное. Потом вдруг, словно перед смертью, решил разговеться: запросил баранью ногу и съел ее всю. Аккурат в это время в страну начали подтягиваться первые туристы из Европы, они стали основной паствой и источником доходов миссии, более-менее стала налаживаться цивилизованная жизнь. Отец свел знакомство с министром иностранных дел Катваны, единожды побывал в президентском дворце. Чернокожий министр почему-то облизнулся, оглядев румяного священника с головы до ног.

Святой отец ничего не понял, когда вчера в начале второго ночи возле церкви остановился джип и два человека стали выгружать ящики из машины. Лишь стряхнув с себя остатки сна, он вспомнил, что русские, сделавшие солидные пожертвования миссии, попросили его принять груз.

Он поджидал гостей с нетерпением. Грек по национальности, отец Леонард не знал русского языка. Во время телефонного разговора относительно виз он и Евгений Блинков объяснялись на английском.

Громкий стук в дверь оторвал миссионера от телевизора и беспокойных дум. Он запахнул на груди короткую безрукавку, убавил звук и вышел через паперть к выходу. На крыльце стоял молодой человек. За ним в свете фонаря стояли еще четверо парней. «Они», – быстро определился священник: через внешнеполитическое ведомство Катваны он выбил визы на пять человек. Страна, не рекомендованная для посещения гражданами России, становится у россиян популярной, отметил глава миссии. За последний месяц это вторая группа.

– Проходите, я вас жду, – сказал отец Леонард, ответив на приветствие старшего. – Как долетели?.. Ну и хорошо. Вчерашней ночью на адрес миссии пришел груз – какие-то ящики, – он развел руками и часто заморгал.

Джеб погасил волнения священника. Оказавшись в коридоре жилой пристройки, он вручив ему пять тысяч долларов.

– Простите, святой отец, что побеспокоили вас. Не поможете с транспортом? Нам нужно добраться до Джорджа.

Полноватый грек покачал непокрытой головой:

– У нас есть микроавтобус, но мало бензина. Бензоколонки закрываются в шесть вечера, а открываются в семь утра. Если бы вы приехали чуть пораньше... Оставайтесь до утра, – предложил он. – Я вам выделю комнату. Там десять коек, выбирайте любые. – Он показал рукой на полуоткрытую дверь. – Здесь столовая. Через час приходите ужинать.

Блинков принял его предложение.

– Значит, у нас есть время перенести груз в нашу комнату?..

– Да, он в подвале. Пойдемте со мной. Я дам стамеску, молоток. Постарайтесь не уродовать тару – сгодится в хозяйстве.

Поужинав, бойцы закрылись в комнате и вскрыли продолговатые ящики.

Михаил Чижов остался доволен снайперской винтовкой. Скандинавы делают классное оружие. Когда он навернул на ствол массивный глушитель, винтовка преобразилась. По форме она почти не отличалась от первых экземпляров, выпущенных в конце позапрошлого века. Михаил снова разобрал винтовку и положил на дно багажной сумки. Вскоре к норвежской «снайперке» присоединился готовый к работе «калашников» и грозный, весивший больше килограмма двенадцатизарядный «хеклер» с глушителем.

Остальные бойцы опередили Чижика. Николай уже заканчивал «набивать» облегченную боевую выкладку. Рация «Кенвуд» с гарнитурой заняла место в верхнем кармашке. Гранаты для подстволок – в специальной секции-патронташе. Рожки для автоматов также скрылись в кармашках с клапанами на липучках. Джеб упустил из виду накомарники, но оружейная фирма в Претории восполнила этот пробел. Видимо, в амуницию, состоящую из комбинезона, куртки, майки, ботинок и носков с теплоизоляцией, входила панамы с противомоскитной сеткой.

Ровно в семь утра священник разбудил гостей и провел к микроавтобусу «Тойота» с водителем за рулем. Блинков еще раз поблагодарил пресвитера и на прощание пожал ему руку.

– Далеко до Джорджа? – спросил Блинков, занимая место переднего пассажира.

– За два с половиной часа доберемся, – ответил водитель.

Джеб подумал о том, что скоро окажется в поселке, где обрывались следы капитана Абрамова. Может быть, он окажется в домике, где разведчик провел последние часы. Эти мысли собрали на лбу командира резкие морщины. Он обернулся и нашел глазами Николая Кокарева.

– Ты готовишься к встрече с Тонге? – спросил он по-русски.

– Без артобстрела засру ему мозги, – сказал Кок, позевывая. – Даже не знаю, что у меня лучше получается: врать или стрелять. Не грузись, Женек, обработаю бакалейщика в лучшем виде. Парни, давайте покемарим, – предложил он. – Я не выспался. Чижик всю ночь затвором лязгал. Снилось черт знает что. Я посередине саванны, под ногами труп. Вдруг подъезжает Джеб на милицейской машине. «Что тут у нас? – спрашивает и над трупом склоняется. – Черный мужчина. Лет сорока. Документов нет. Мертв около двух часов. У него было плохое здоровье: три пули в легких, пара в голове». Чиж, ты меня слышишь?

– В том-то и проблема, – отозвался Михаил. – Я слушаю тебя с тех пор, как мы познакомились. Почти три года соловью от твоего трепа.

12

Настроенный на максимальное увеличение телеобъектив камеры «Фотоснайпер» с плечевым упором нацелился на самый высокий объект военно-морской базы США. Юго-западная караульная вышка на два с половиной метра возвышалась над приземистыми корпусами. Основанием ей служили металлические опоры, связанные по диагонали монтажным уголком. Облицованная фанерой, она отдаленно походила на беседку с прекрасным обзором на все четыре стороны. Два прожектора на поворотных станках включались с наступлением темноты. Рупор, направленный вверх, в любой миг был готов бешеной сиреной вызвать тревогу среди личного состава подразделения морской пехоты.

Мишель Гловер сделала несколько снимков солдата на вышке. Фоном ему послужило синее небо в просветах между ограждением, частично задрапированным звездно-полосатым флагом США, и рифленой крышей, сияющей на солнце. Эти снимки стали финальными в сегодняшней фотосессии. Через цепь усиленных проволочных заборов и типовых ограждений НАТО в виде пружинных спиралей острый глаз Мишель вырвал двух человек в оранжевой тюремной робе. На них были стандартные оковы: «браслеты» на руках и ногах соединялись строгой короткой цепью. Они в сопровождении морпехов прошли из одного блока в другой. На этом коротком отрезке фотокамера Мишель работала в режиме скоростной съемки, делая три кадра в секунду.

Также в кадр попали жилые боксы морпехов и огромные вентиляторы централизованной системы кондиционирования помещений.

Подступы к базе со стороны дороги выглядели обычно. Это застекленный КПП и желто-черный шлагбаум, пара вооруженных контролеров. Барьер для транспортных средств – колодец с прочным стальным каркасом, хранивший в себе стальные зубья, способные нанизать на себя и остановить любую машину. До сдвоенных каркасных ворот базы дорога утопала в цветах и ухоженном кустарнике.

Похожих снимков Мишель сделала тысячи. Они хранились в базе данных ее персонального компьютера, на лазерных дисках и, распечатанные на принтере, в «бумажном обороте». Она всегда четко следовала правилу: сохраняйся, сохраняйся и еще раз сохраняйся. Все ее статьи и материалы, посвященные одной теме, она также хранила на трех разных носителях информации.

Мишель была камуфлирована не хуже солдата на вышке. Желто-зеленая куртка с закатанными рукавами, брюки, военные ботинки. Ножны с боевым ножом крепились к бедру с помощью специальной упряжи. С сумкой тех же маскировочных цветов, перекинутой через плечо, она походила на медсестру на поле боя.

Убрав фотоаппарат в сумку и повернув кепи козырьком назад, она выбралась из кустов акации, ставших точкой наблюдения и съемки. Маскируясь песчаными холмиками, густо поросшими травой, Мишель показала местным ящерицам, как правильно нужно ползать.

К режимному объекту американская журналистка пробралась под покровом ночи и мерцанием маяка со стороны лагуны. Ее следы аккуратно замел ветер, ставший ее персональным помощником. С рассветом она позавтракала, не уронив на песок ни одной крошки. Сейчас Мишель уходила в противоположном направлении, неукоснительно следуя диверсионному правилу.

Нырнув в спасительные заросли папоротника, она облегченно вздохнула. Открыв крышку с пластиковой бутылки, допила холодный кофе.

Она успела расстегнуть на куртке всего пару пуговиц, когда справа от себя уловила движение. Повернув голову, Мишель увидела в переплетении сухих корней пестрый наряд змеи.

На журналистку смотрела габонская гадюка. У нее было массивное тело, словно она распухла от жары. Голова белая, будто ей стало нехорошо либо она на глазах у девушки решила материализоваться в удава.

Жизненные краски схлынули с лица Мишель. Она не была сильно напугана, тем не менее не могла оторвать глаз от гадюки, открывшей пасть. Она медленно приближалась, выпутываясь из корней, и показывала семисантиметровые зубы. Загнутые внутрь, они не уступали по длине клыкам тигра.

– Спокойно, крошка, спокойно. – Мишель успокаивала то ли «крошку»-змею, яд которой убивает за несколько минут, то ли себя. Стараясь не делать резких движений, она потянулась к объемистой сумке. Она знала, что змеи почти никогда сами не нападают первыми. Но это «почти» могло убить девушку. – Спокойно...

Гадюка была уже в метре. «Если человек не двигается, змея его не видит, – всплыло в голове Мишель. – Тогда какого черта она смотрит в глаза и все выше приподнимает голову!»

Гадюка раскрыла пасть, и ее зубы предстали во всей красе. Идеальное оружие для убийства. Челюсти способны перекусить палку. Она была готова к нападению, оттого ее яд приобрел смертоносную силу.

Габонская убийца нанесла удар без замаха. Ее челюсти сомкнулись в сантиметре от руки Мишель, дернув сумку к себе, а зубы на всю длину вонзились в плотную ткань.

Девушка перевернулась через себя, выпуская ремешок, и выхватила нож. Широко расставив ноги и равномерно распределив на них вес своего тела, она смотрела на гадюку, попавшую в плен, и расстегивала пуговицы на куртке. Зубы ядовитой твари увязли в материи, и она, извиваясь, только что не вопила от лютой ненависти. Она проливали ядовитые слезы, и Мишель ужаснулась, видя, как вырастает мокрое пятно на ткани.

Она сняла куртку и, намотав ее на руку, была готова отразить следующий удар. Прошла минута, другая. Гадюка слабела и все реже свивалась в кольца и отпускала эту пружину.

Мишель приблизилась. С первого взгляда ей стало ясно: змея вывернула челюсть. Однако ее скособоленная морда при живых, налитых злобой глазах стала еще страшнее.

«Травма, несовместимая с жизнью», – поставила Мишель диагноз.

Она придавила змею ботинком, снова увидела ее зубы, ставшие для гадюки гибельными крючьями. Присев на одно колено, Гловер резким ударом ножа отсекла издыхающей змее голову. И только сейчас, когда безголовая «пестрая лента» последний раз свернулась в тугое кольцо, девушка подумала о десятке таких же ядовитых гадов, скрывающихся поблизости.

Озираясь по сторонам, она сняла упряжь, освобождая себя от ножен, стянула широкие комбинированные брюки с плечевыми лямками, не снимая обуви. Она осталась в белом бюстгальтере, трусиках и армейских ботинках. Светлые волосы, заплетенные в косичку, оттеняли ее упругое загорелое тело; съехавшая набок кепка военного образца подчеркивала ее сексуальную притягательность. Снимок возбужденной донельзя Мишель в таком облачении мог бы стать хитом на порносайте.

Расшнуровывая обувь, девушка прислушивалась, вертя головой: не выползет ли еще одна гадина, не раздадутся ли подозрительные звуки со стороны засекреченного объекта.

Она сняла шерстяные гольфы и сунула их в ботинки. Неприятный холодок пробежал по коже, когда она дотронулась до сумки: громадное пятно подсыхающего яда все еще казалось смертоносным.

Мишель вынула повседневную одежду. Застегнула на груди голубоватую рубашку, натянула джинсы, влезла в туфли на низком каблуке. Распустив косичку, она расчесала волосы и собрала камуфляж в сумку, предварительно вывернув ее наизнанку; теперь это была обычная матерчатая сумка ярко-красного цвета.

От Форт-Бея, где дислоцировалась база, до пригорода столицы было около семи километров. Девушка вышла на дорогу. Ей повезло: из-за поворота показался армейский джип,

волоча за собой пыльное облако. Она подняла руку, выбрав из арсенала улыбок самую обворожительную. Большой палец указывал вверх, словно она предлагала водителю немедленно взлететь. Он не сразу притормозил, а проехал с десяток метров и наслаждался видом в боковом зеркальце: к нему со всех ног спешила очаровательная блондинка.

За рулем джипа сидел начальник военно-морской базы 13-19 майор Веллер. Он предупредительно открыл дверцу и на вопрос Мишель: «В город?» – ответил шаблонно: «Хоть на край света».

Мишель уселась в удобное кресло и протянула майору руку:

– Линда.

– Крис, – представился военный и резко тронул машину с места. – Что вы делаете здесь, Линда?

– Решила немного подзаработать, – распутным голосом ответила девушка. – Подцепила пару чернокожих парней. Они всю ночь по очереди карабкались на меня. Потом уехали, подонки, не заплатив. – Мишель открыла рот, провела пальцем по губам и поиграла языком. – Не хочешь развлечься по пути, милый?

– У меня жена и двое детей, – пробурчал Веллер, жалея, что посадил в машину грязную проститутку.

– Просто секс, Крис, – настаивала девушка, положив руку на бедро майора. – Ты все сделаешь быстро, как кролик. Обещаю. За десять баксов. Мои клиенты – как бумеранги. Всегда возвращаются. Как в фильме ужасов «Они иногда возвращаются». Видел этот ужастик? А хочешь, растянем удовольствие. Оно будет долго висеть на кончике твоей иглы... но уже за полтинник.

– У тебя с руками все в порядке?

– Тебя волнуют мои руки?

– Меня волнуют твои руки на моем члене. Убери! И заткнись бога ради!

Мишель надула губы:

– Конечно, дорогой. Не угостишь сигареткой? Хоть что-то будет во рту.

Она попросила остановить машину и вышла за пару кварталов от столичной гостиницы. Едва джип возобновил движение, Мишель рассмеялась.

13

Николай Кокарев открыл дверь и, пропустив впереди себя Веселовского, втиснулся в душное помещение аптеки. Хозяин этого заведения сидел на высоком стуле и читал книгу. Видимо, чтиво захватило Тонге: он поднял палец и не опускал его, пока не дочитал страницу до конца. Загнув уголок страницы, он отложил книгу в сторону.

Он взял за правило не здороваться первым. Вот и сейчас он привычно дожидался приветствия новых клиентов. Оба патлатые, механически отмечал он. Один с бородкой, другой небрит больше недели. В джинсах, рубашках. Шеи покрыты волдырями от укусов насекомых.

Николай тоже не спешил засвидетельствовать свое почтение местному лекарю. Многозначительно выпятив губу, он долго осматривал полки с заспиртованными тварями. Остановил свой взгляд на одной, где в ядовито-желтой жидкости поблескивала чешуйчатой кожей кобра. Он шагнул к прилавку и наконец-то поздоровался с Тонге:

– Привет, Мандела. Я заметил, гадюки в банках какие-то квелые. Ты их не кормил сегодня или корм кончился?

– Что? – на лице Тонге застыло недоумение.

– Я говорю: это не ты играл короля Замунды в «Поездке в Америку»? В смысле, не ты ли откликаешься на Эрла Джонса.

– Нет, – выдавил обескураженный хозяин.

– Значит, я ошибся, – констатировал Кок. – Просто невероятно. Что-то со зрением, видимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.